

ЛитРес:

18+

Алекс Д
Лана Мейер

ТАНЦЫ
НА СТЕКЛАХ
острые грани

Алекс Д
Лана Мейер

Танцы на стеклах. Книга 2

Серия «Восточные (не)сказки», книга 2

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50172538

Аннотация

Продолжение истории разрушительной любви сына шейха и американской студентки. События переносятся на родину арабского принца, где среди восточного колорита, под палящим солнцем, героев ждут тяжелые испытания и бешеная страсть. Боль, предательства, одержимость и ненависть, интриги и танцы... танцы на стеклах.

ДЖАРЕД: Мы могли быть другими. В самом начале. Но сложилось иначе. Как в бреду. Как в наркотическом дурмане. Я сошёл с ума, но и ее вина тоже есть... Она мне позволила.

МЕЛАНИЯ: Загадка любви в ее многоликости. Нам достались самые острые грани. Я не просила, никто не пожелает...

Внимание! 18+ Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия.

Содержание

Глава 1	4
Мелания	4
Глава 2	27
Джаред	27
Мелания	42
Глава 3	57
Джаред	57
Глава 4	77
Мелания	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Алекс Д., Лана Мейер

Танцы на стеклах-2

Глава 1

Мелания

А я сижу здесь на кровати, и представляю себе будущее: как я поглощена любовью к некоему человеку; я знаю – я ничего не могу делать вполонину, не могу любить вполонину, я чувствую – меня переполняет любовь, и я готова отдать все – сердце, душу и тело – какому-нибудь цинику вроде Ч. В. Который меня предаст. Предчувствую это. Будет страсть и неистовство. Ревность. Отчаяние. Горечь. Что-то во мне погибнет. В нем тоже.

Джон Фаулз. Коллекционер

«Игры кончились, Мэл». – Всего три слова, от которых кровь стынет в жилах.

Без конца слышу его угрожающий голос внутри. Это единственное, что говорит мне о том, что я еще жива. Потому что я не могу пошевелить даже кончиками пальцев.

Я словно вне тела. Вне времени и пространства. Этот

ублюдок накачал меня сильными препаратами, даже не думая о том, как мое тело отреагирует на наркоз...

Пытаюсь остановить удушливую паническую волну силой мысли. Я жива... *пока жива*. Сейчас, мне кажется, что глаза открыть невозможно, но затуманенный разум тешит себя надеждой:

Я нужна Джареду живой. Ему было бы скучно мстить бездыханному телу. Поэтому его обещание «Я убью тебя» значит только то, что Саадат сделает все, чтобы довести меня до такого состояния... что я сама стану умолять его о смерти.

Временами, чувствительность возвращается ко мне, и я иногда ощущаю, как ко мне прикасаются. Трогают тело, волосы, руки... все. Абсолютно все.

Со мной что-то делают, пока я без сознания. Это слишком чудовищно. Отвратительно. И низко. Даже для Саадата.

На миг, мне с трудом удается приоткрыть веки, и мельком рассмотреть место, где я нахожусь.

Квадратное помещение с белыми стенами и, бьющим в глаза, ярким электрическим светом. Резкий специфический больничный запах раздражает мои обонятельные рецепторы. Рядом на тумбочке я вижу шприцы, колбочки, и другие медицинские приспособления.

В комнате есть кто-то еще... судя по голосам, две женщины. Говорят, на незнакомом мне языке.

Я не вижу четкие контуры, и сквозь туман их фигуры ка-

жуются расплывчатыми. От нарастающей внутри волны паники хочется закричать.

Во весь голос. Умолять о помощи, просить отпустить меня...

Я прикладываю невероятные усилия, но рот лишь беспомощно приоткрывается. Кажется, я хриплю... попытка закричать отнимает у меня последние силы.

– Еще рано, дорогая, – ласковый голос с акцентом звучит фальшиво, от чего становится только страшнее.

– Вколи ей еще. Malik¹ приказал проводить все процедуры, когда она без сознания, – я отчаянно хочу вырваться, встать с кресла, дергаться и отбиваться... но все мои попытки напрасны. Я способна лишь слегка приоткрывать веки.

Процедуры?! Что они собираются делать со мной? Боже, Саадат, ты в своем уме?

Что я тебе сделала, Джаред...

– Это не опасно? Слишком большая нагрузка на сердце.

– Нет. Не так опасно, как ярость malik. Никогда не видела Адама таким.

Воздуха вновь не хватает, но уже через секунду я чувствую очередной болезненный укол и погружаюсь в глубокий сон.

Это даже не сон, а капкан для души. Разум заперт в обездвиженном теле. И именно эта тюрьма, существующая в моей голове, пугает меня еще больше, чем та, в которой я на-

---

¹ Хозяин – араб.

ходила всю жизнь.

Раньше я всегда боялась того, что так и останусь жить запертой в клетке. Из стереотипов, которые нам навязывают общество и родители, а в моем случае – агрессор-отчим, который заставлял чувствовать себя ничтожеством каждый раз, когда мы оставались наедине. Стыд, который я ощущала тогда, не передать никакими словами. Он съедал меня изнутри, пока я окончательно не замкнулась в себе.

В тюрьме из *не* моих убеждений, в которые меня просто заставили поверить, насильно затолкнули в неокрепшую детскую психику.

Я влюбилась в Джаред, потому что каким-то невероятным образом, он, за сорок восемь часов, подарил мне крылья. Выпустил на волю, повел за собой... Такой сильный, решительный, и, как оказалось... глубокий, чувственный. Я бы никогда не захотела его так сильно, если бы он не был чем-то большим, чем просто «шикарное тело и красивое лицо». Принцем с кучей денег, и самым горячим любовником, которого только можно себе представить.

Мне казалось, он особенный. Что Джаред – тот самый. Кто будет оберегать и защищать меня, а не похищать и вытворять «процедуры» с моим телом, пока я без сознания.

Джаред никогда не жил по правилам, и я готова была пойти за ним куда угодно, лишь бы он держал меня за руку, и показал свой мир без границ и стереотипов.

И он показал... и когда я по-настоящему вдохнула свобо-

ду, почувствовала малейшую дозу эйфории и счастья, прижимаясь к нему... он обрезал подаренные крылья и затолкал в клетку. Еще более тесную, еще более жуткую. Потому что я уже знаю, каково это – любить его и быть свободной. От всего. Сейчас мое счастье кажется мне придуманным сном, фантазией наивной девочки.

Я все выдумала. Нарисовала иллюзию любви, о которой всегда мечтала...

Куда все это делось? Куда делся Джаред, который обнимал меня на смотровой площадке Сакре-Кер? Так крепко, словно я была его продолжением, единственной и необходимой.

Судя по тому, как Саадат смотрел на меня в самолете, ответ прост.

Тот Джаред умер. Или его не существовало вовсе.

И как бы я не хотела думать о том, что он забрал меня, чтобы поговорить и раскаяться, когда мы успокоимся, и долго умолять меня простить его, я знаю, что все будет иначе.

Не будет пощады. Не будет никаких больше огней, моря, и полетов в космос... Джаред показал мне седьмое небо, и теперь он проведет меня через девять кругов ада. Опустит в грязь, на самое дно, потому что иначе он не умеет и не хочет.

Джаред Саадат не принимает слово «нет», и за мое «нет» он заставит меня расплатиться с ним тысячью «да». Но я не сдамся. Никогда я не опущусь до уровня шлюх, которые согласны прощать ему все и безропотно стоять перед ним на коленях.

Теперь я иначе отношусь к своему прошлому...

Не страшно вернуться в тюрьму, подобную той, в которой ты уже был. Страшно оказаться в клетке внутри собственного тела.

Довольно странное ощущение. Когда сознание работает, чувствует, слышит, осязает, но тело... не может пошевелиться. Руки и ноги словно веревки, и я едва чувствую, как меня куда-то несут.

Зрения нет. И мира вокруг нет. Есть только внутренний взор, который играет со мной злую шутку, подкидывая обманчивые видения реальности. Пугающие видения. Это какая-то агония из страха и отчаянья. Я просто боюсь не проснуться.

Так странно. У меня всего лишь какое-то время были закрыты глаза, а такое чувство, что исчезла вся жизнь. Чем дольше это длилось, тем острее ощущалось, вспоминалось то неземное счастье, когда я грезил о том, как здорово было стоять на носу яхты, смотреть на солнце, скрывающееся за горизонтом моря, переливающееся всеми оттенками синего цвета.

Я бы хотела вернуть хоть на час, хоть на мгновение.

Некоторые секунды, дарят тебе целую вечность, в то время, как целые часы, дни и годы, потрачены впустую, прожиты вслепую... или может быть, я ошибаюсь, и именно там, с Джаредом, я ослепла и не видела ничего, кроме его стальных глаз, в которых отражался наш маленький мир.

Но, как я уже и говорила, это была лишь иллюзия. Моя иллюзия, не Джареда. У него бы не получилось обмануть меня, если бы я сама... сама, не хотела бы быть обманутой.

Как там? Наивная, неумелая, неопытная... глупышка Лана.

В сознание я прихожу резко. Вдыхаю полной грудью прохладный воздух, и распахиваю глаза. Зрение возвращается ко мне не сразу, а вот легкая головная боль кажется слишком странной. Это не мигрень. Что-то гораздо хуже. И я пока не осознаю, что именно. И где я...

Встаю с постели, едва соображая, и оглядываюсь по сторонам. Яркий свет причиняет еще одну порцию боли, ударяя по глазам, но, когда я наконец привыкаю, стены возвращаются на место, и я вижу, где нахожусь.

Я в спальне, на огромной кровати с роскошным шелковым балдахином под потолком, который поддерживают четыре столба. Тончайший шелк блестит, словно в нем спрятаны частички золота. Кровать мягкая, высокая, огромная. Как для принцессы. Заваленная подушками, на которых вышит один и тот же, пугающий меня, арабский символ.

Сердце переходит на бег, вместе с ужасающим осознанием того факта, что я... в Анмаре.

Этот ублюдок просто взял и вывез меня из страны! У меня нет ни документов, ни телефона... ничего. Неужели он думает, что я стану новой игрушкой в его гареме?! С кем он меня попутал? Господи, это все неправда. Мне слишком страшно.

Перед внутренним взором внезапно встает лицо моей мамы, которая так и не дожидается от меня привычного звонка в пятницу. Или уже не дождалась... Я до боли кусаю губы, чтобы не взвыть от тоски и отчаянья.

Но все куда хуже, чем я ожидала.

Я пытаюсь сделать первые шаги, но тут же падаю от того, что ноги меня не слушаются. Неизвестно сколько я пребывала в амебном состоянии...

Подползаю к пастельно-бирюзового цвета стене и слабо царапаю ее, вновь пытаюсь закричать. Но из груди вырывается только жалобный писк.

– Что ты со мной сделал... – шепчу я, чувствуя острую боль в области затылка. И только когда я облокотилась на стену и ударилась об нее, я, наконец, начала понимать, что со мной что-то не так.

Нет... он же не мог сделать этого. Слишком... жестоко. Даже для него.

Закрываю глаза чувствуя, как веки обжигают, непролитые за все эти дни пребывания в коматозном состоянии, слезы. Они должны быть на моих щеках... губах. Но их нет.

Потому что верхняя часть моего лица закрыта платиновой маской. Той самой, что Джаред любезно подарил мне в самолете.

Пытаясь унять дрожь в онемевших пальцах, я поднимаю руки к затылку и нащупываю что-то твердое. Массивный замок. Маска держится на ободке, который плотно опоясывает

голову, сдавливая кожу.

Видимо Джаред все-таки действительно хочет убить меня. Медленно и мучительно.

– Я сниму ее... сниму, ублюдок... – задыхаясь, пытаюсь сорвать с себя маску, но ничего не выходит.

Жалобно стону, трясусь в истерике, поддавшись панике. Я на грани того, чтобы содрать с себя чертову маску вместе с кожей.

Зачем ему страшная рабыня?

Боже, как это унижительно. Одел на меня этот ужас словно намордник на свою собаку.

Нельзя поддаваться панике. Кто-то придет и обязательно избавит меня от этой штуки... *как же больно.*

Шикарная комната, в которую меня поместили, расплывается перед моими глазами от слез, и спустя несколько часов рыданий до меня окончательно доходит весь ужас случившегося, и на что я теперь обречена.

Джаред не успокоится, пока не выпьет из меня всю кровь. Всю, до последней капли.

– Ты не сдашься, слышишь? – говорю себе, спустя еще несколько часов одиночества. Слегка привыкнув к боли от тесной маски, я, наконец, начинаю действовать. Должен же быть какой-то выход из этого места. Мое внимание привлек единственный источник живого света в спальне – окно. Белое солнце уже наполовину скрылось за бескрайним морем, и я, на миг, задержала взгляд на пейзаже, словно срисован-

ном с завлекающих туристических сайтов. Голубая лагуна и пальмы. Песчаный пляж, который уходит далеко по линии берега и тянется к скалистым горам, до которых уже не доходит солнечный свет. Они, величественно возвышаясь, разрезают небо и, в тоже время, утопают во тьме, одновременно пугая и восхищая меня.

Да уж, на Нью-Йорк не похоже.

Здесь очень красиво. И настолько жарко, что тяжело дышать. Влажность, как в неисправной, запертой сауне.

Издав дикий вскрик, я начала с яростью бить ладонями и кулаками по стеклу. Мне плевать, если оно разобьется, и я буду вся в осколках. Я готова спрыгнуть отсюда, лишь бы сбежать... я не дам Джареду увидеть меня в таком виде. В рабской маске, и в белоснежном легком платье на голое тело. Я знаю его слабости. Не трудно догадаться, зачем меня так одели...

Для того, чтобы я «отрабатывала» 30 миллионов, которые потеряла его компания. Но я-то знаю, что не имею к сливу секретной информации никакого отношения. Уверена, что он сам отправил конфиденциальные файлы с моего компьютера, лишь бы придумать новую схему манипуляций.

Это уже за гранью. Через несколько часов борьбы с окном с витражными вставками из разноцветного стекла, я начинаю лихорадочно мерять свою комнату шагами. Уже глубокая ночь, и я слышу рев бушующего моря, но в моей душе царит шторм куда похлеще.

Ловя свое отражение в зеркале, быстро отворачиваюсь. Не хочу смотреть. На меня смотрит чудовище в маске с покусанными, пересохшими губами. При этом, мои волосы заплетены в аккуратную косу, платье явно сделано на заказ по моей фигуре... и у меня совсем нет волос на руках и ногах. Нигде, кроме головы и бровей.

Я прекрасно знаю, для чего был учинен доскональный и тщательный косметический ремонт. Когда я прикасаюсь руками к лицу, я чувствую аромат жасмина и ароматических масел, которые втирали мне под кожу. Готовили. Для Господина, бл...ь. И где он?!

К рассвету первого дня, я уже начинаю сходить с ума от скуки и отчаянья. Ко мне никто не приходит, и мой взгляд невольно начинает цепляться за стены и мебель, изучая роскошную клетку.

Просторная комната с огромной кроватью. В прикроватной тумбочке лежит Коран. Для меня? Серьезно?

Спасибо, Джаред.

Но ни его, ни мой Бог меня не слышат, если я до сих пор здесь.

Иероглифы, вышитые на подушках, высеченные на некоторых плитках, и на деревянной стрельчатой арке, которая ведет в ванную, пугают меня. Я их не понимаю, не хочу понимать...

Слишком много плохих воспоминаний связанных с арабским языком. Именно на ближнем Востоке пропал мой отец.

Именно в одной из этих стран мой отчим стал больным на голову...

И именно здесь я встречаю свой конец.

В комнате есть зона отдыха, напоминающая мне каюту на яхте в стиле «1001 ночи». Именно ту, где я делала Джареду первый в своей жизни эротический массаж... как можно было быть такой дурой? Я могла бы придушить его еще тогда. Когда он был так уязвим. Но нет, мне приключений захотелось. Я решила поиграть с тигром, поддаться ему, доверилась, как наивная идиотка.

На столике рядом с низким диваном и подушками, лежат горы фруктов и воды, но я не притрагиваюсь... во рту пересохло. Я хочу устроить настоящую забастовку. Я не буду есть, пока он, как минимум, не снимет с меня эту маску.

Следующие несколько часов я избиваю, наглухо запертую, входную дверь. Я кричала, звала на помощь и дергала за ручки, пытаюсь вырваться... но все тщетно. Помню, что через сутки упала на каменный пол без сознания, сходя с ума от голода и переутомления. И от скуки. Деградация. Безысходности.

Почему он не приходит? Маска на моем лице продолжала сводить меня с ума. Кожа под ней зудела и чесалась – настоящая пытка.

Я лежала на кровати и проклинала Джареда. Пялилась в потолок, в момент, когда дверь открылась. В мою комна-

ту вошли две женщины. Одна из них с подносом в руках. Обе девушки были в просторных синих платьях, полностью скрывающих их фигуру и платках, покрывающих их головы. Лица были открыты, и лишь тяжелый макияж глаз привлекал к девушкам мое внимание. Никогда не видела таких черных глаз...

– *Enti lasem taklie, biryani, sambussa we thali*², – обратилась ко мне та, что держала поднос. Я напряглась, не понимая ни слова. Такими мой отчим не разбрасывался.

– Стойте! – я вскочила с кровати, и направилась к женщинам, намереваясь растолкать их, и выйти на свободу. Но как только я подошла к двери, то увидела в дверном проеме двух вооруженных мужчин, которые, очевидно, были приставлены не просто так.

Я тут же попятилась, глядя на женщин с мольбой:

– Пожалуйста, сделайте что-нибудь, – но две служанки лишь переглянулись между собой, и, кланяясь, показали на еду.

– *Malik* приказал вам есть. И есть хорошо, – я примерно поняла, о чем говорит женщина. Слово «хозяин» на арабском было прекрасно знакомо мне.

– Передайте хозяину, что он... – я сжала кулаки, с болью осознавая, как нелепо выгляжу. Чудовище в маске. Дрожащий, надломленный голос. – Я ненавижу его. Просто... ненавижу.

---

² Вам нужно поесть, это Бирьяни, Самбуса и десерт – араб.

– Приятного аппетита. Мы будем приносить вам еду три раза в день. И все что нужно тоже. Что вам необходимо? – на плохом английском вдруг обращается ко мне одна из женщин. – Пожалуйста, обратите внимание на лекарства и инструкцию к ним. Хозяин велел вам принимать все по инструкции.

– Какие на хрен лекарства?! А если я не буду их принимать?

– Хозяин сказал, что вы должны принимать их, если не хотите, чтобы он... – девушка переглянулась с другой, и они нервно заспорили на арабском. После небольшой перепалки, она снова посмотрела на меня и невнятно произнесла:

– Лучше вам слушаться хозяина, – она снова поклонилась, и обе девушки скрылись за дверью. Я вздрогнула, когда услышала, как закрываются замки.

Я в ловушке.

Запах еды сводил меня с ума, но я была настроена решительно. Может Джаред сменит тактику, если поймет, что я не собираюсь его слушаться? Только демонстративным отказом от еды я могу показать свое неповиновение и несогласие.

И о каких лекарствах идет речь? Стараюсь не дышать, чтобы не чувствовать ароматный запах пряностей, специй и сладкого десерта. Еда расставлена и выглядит восхитительно, каждое блюдо украшено так, словно я важная гостья...

Какое лицемерие, мистер Саадат.

Я начинаю изучать гребанную инструкцию. Ладони поте-

ют, и меня бросает в жар, когда я понимаю, что это за лекарства. Есть обезболивающее, и... противозачаточные.

Он совсем охренел!?! Я ему эти таблетки... засуну. Куда-нибудь. Ненавижу.

С какой стати я должна их пить? Я скорее разобью окно и сбегу по самодельному канату вниз, чем позволю ему пользоваться мной... тем более после всех этих шлюх, жены, и, возможно, Беатрис. Я не буду их пить. Я кидаю горсть таблеток в стену, обсыпая Джареда новой порцией нелюбезных эпитетов.

– Я не сдамся, Дж... Адам, – шепчу я, вновь пытаюсь снять с себя маску. – Я заставлю тебя просить прощения за каждую секунду боли, которую ты мне причинил, – расправив плечи, говорю сама себе, опуская руки вниз.

Самое страшное, что это звучит, как пустые слова. Они не работают. Как бы мне не хотелось верить в чудо, так не будет.

Мне просто необходимо во что-то верить, потому что надежды на спасение у меня нет, а в сердце только что умерла любовь.

И даже не этот плен и клетка причиняет мне боль. А тоска по тому Джареду из прошлого, которого я больше никогда не увижу...

Мои чувства к тебе погибли, Джаред. Надеюсь, теперь ты счастлив.

FLASHBACK

Я не чувствую себя неловко, когда замечаю, как он смот-

рит на мои открытые колени. Мне это нравится. Нравится внимание Кита, настолько, что я уже не уверена, что хочу быть с ним только друзьями. Мне просто жалко Томаса – они лучшие друзья, и начать отношения с одним из парней, значит навсегда разрушить нашу дружбу.

К тому же, нам с Китом пришлось бы встречаться тайно, а все тайное все равно становится явным. Я боюсь представить реакцию Эдварда. Если бы он узнал, что я с кем-то встречаюсь... он бы отправил меня в закрытую школу для девочек, где я бы окончательно свихнулась и никогда бы не поступила в Йель.

К счастью, мой изверг-отчим сейчас на другом конце света – очередной военный долг перед страной. Дни, когда он уезжает – настоящий праздник для меня.

Воздух пропитан свободой. Мне кажется я не иду, а порхаю над землей, без конца улыбаясь, встречаясь с друзьями, зная, что не буду ни за что наказана.

Я могу надеть все, что захочу, и никто не осудит меня за милое короткое платье, или за обтягивающие спортивные шорты. Мне всего шестнадцать. Все мои подруги такие женственные и красивые. Да и джинсы надоедают мне, к тому же, сейчас лето.

Будь воля Эдварда он бы окутал меня паранджой и посадил на цепь. Но все это выдало бы его маме, поэтому мой отчим никогда не принимал кардинальных воспитательных мер.

Я никогда не расскажу маме о том, что он со мной делает. Она может бесконечно догадываться, знать о том, что он строг и несправедлив ко мне, но она не знает *всей правды*.

И я не позволю узнать. Зачем? Это разобьет ей сердце. Она не сможет одна, без мужчины. Я слишком хорошо знаю маму. Она из тех женщин, что ни дня в своей жизни не были одиноки. Слабая, постоянно нуждающаяся в твердом мужском плече. И если папу она любила, и была с ним по велению сердца... то с Эдвардом все было иначе. Это просто какая-то большая потребность. Тянет на властных мужчин, которые все должны брать в свои руки.

В том числе и мое воспитание.

Я не могла осуждать маму ни в чем. С тех пор, как пропал папа, я знаю: она живет прошлым. Знаю, что она до сих пор тайно посещает группу поддержки для тех, кто потерял близких. И на каждом из этих собраний, она говорит о папе, вспоминая самые счастливые дни в своей жизни, которые навсегда утрачены.

Она натягивает на свое измученное лицо улыбку, и возвращается домой, к Эду... ей так проще. Ей кажется, она любима, а жесткое воспитание дочери, будет мне лишь на пользу. Ее папа воспитывал в строгости, поэтому она не видит в этом ничего плохого.

Я бы тоже не видела. Эдвард был бы прекрасным отчимом, хоть и строгим... если бы не перешел границ.

– О чем ты задумалась? – лукавая улыбка касается губ Ки-

та, когда он слегка толкает меня в бок. Машина резко тормозит, и я выхожу из транса, вычеркивая Эдварда из мыслей.

Он вернется через неделю. А значит... я могу выдохнуть.

– Да так, ни о чем, – поправляю короткую юбочку, невинно глядя на друга. Мне нравится видеть желание в его глазах. Низ живота сводит, сердце переходит на бег. Такой адреналин.

Я просто хочу любви, новых эмоций, хочу чувствовать себя с кем-то очень комфортно и легко. Я хочу рядом того, с кем не буду чувствовать себя... грязной.

«Ты грязная. Очень грязная девочка.» – Едкое шипение в моей голове, но я пытаюсь заглушить его. Через две недели у меня будет первая встреча с миссис Ллойд – моим будущим психологом.

В последнее время меня беспокоит то, что происходит со мной. Иногда я ощущаю странное нервное состояние, словно впадаю в психоз. Медленно, но верно. Я не отдаю себе отчет в своих действиях, тело сковывает леденящий страх. Внутренняя дрожь, тошнота... я чувствую, как что-то внутри разрушает меня, съедает, и поэтому... я решила обратиться к врачу. Сама. Я не глупая, знаю, что нужно принять меры.

Кто, если не я? Никто обо мне не позаботится. У меня больше нет папы, который оберегал меня.

– Мне нравится, когда ты носишь юбки. У тебя такие красивые ножки, Мэл. С ума сойти, – с придыханием шепчет парень, и уверенно кладет ладонь мне на бедро. Я вздраги-

ваю, с замиранием сердца глядя на его улыбку с ямочками на щеках, и солнечные блики в каштановых волосах. Кит смазливый парень. Кареглазый засранец, и за дружбу с ним, меня ненавидит половина девочек из школы.

– Убери руки, – хихикаю я, начиная ерзать в кресле. Мои ноги непроизвольно раздвигаются, и я чувствую его пальцы уже на внутренней стороне бедра. Краснею, хорошенько ударяя его по ладони.

– Черт, Мэл! Полегче, я за рулем. Мы так не доедем до твоего дома, – Кит убирает руку, и я запускаю ладонь в его волосы, нежно перебирая пряди. Вот такая у нас дружба. Бесконечный флирт, задушевные разговоры, и предвкушение чего-то большего.

– Нет уж, ты сам сказал, давай уедем с вечеринки. Будь добр, довези меня в целости и сохранности.

– А что мне за это будет?

– Ммм... поцелуй в щечку, – дразнюсь я, поглаживая его по щеке.

– Мэл, будешь меня трогать, до дома мы точно не доедем.

– Как трогать? – я провожу пальчиком по его шее, наслаждаясь тем, как это действует на него. Мне нравится быть коварной соблазнительницей. И, в то же время, недоступной.

Я понимаю, откуда растут корни моих желаний. Становится стыдно. Программу, которую вбили в мой мозг, невозможно перезаписать или исправить.

Сексуальной быть плохо. Грязно. Недостойно.

Sharmutah.

– Так, – Кит паркуется возле моего дома, и, расстегивая наши ремни безопасности, наклоняется к моей шее, чтобы поцеловать.

– Ты забываешься, лучший друг, – я слегка отталкиваю его, и выхожу из машины, хитро улыбаясь. Побежит, не побежит? Я хочу свести его с ума своей неопределенностью, хочу, чтобы он побегал за мной. Меня не интересуют парни, не способные быть напористыми, и стоять на своем до самого конца.

Наверное, меня до конца жизни будут привлекать такие мужчины. Отчасти деспотичные и твердые. А других я и не знала.

– Мэл, постой!

– Спасибо, что подвез, – я начинаю бежать все быстрее к дому, и заливаюсь громким смехом, когда ощущаю его руки на своей талии. Друг обхватывает меня крепко-крепко и кружит над землей.

– Хватит бегать от меня, Мэл. Я больше не могу так, – выдыхает Кит, резко разворачивая меня к себе. Он так близко, что я могу разглядеть зеленые крапинки в его карих глазах.

– Как? – пытаюсь увернуться от неизбежного поцелуя, продолжая улыбаться.

– Ты горячая девочка, и я хочу, чтобы ты была моей девочкой. Мне никто не нужен, кроме тебя, – признается парень. Это жутко льстит. Медом по сердцу. Я совсем не гото-

ва к первому поцелую...

Губы Кита уверенно накрывают мои и я начинаю дрожать, не понимая, что происходит. Но оцепенение кратковременное, и уже через три секунды я обвиваю его шею руками, отвечая на сладкий, плавный, но уверенный поцелуй.

Я отстраняюсь, до сих пор пребывая в легком шоке. Кит поцеловал меня. И я... я не почувствовала, что делаю что-то плохое или грязное. Или..?

Сглотнула, дрожа от воспоминаний. Это мог быть не мой первый поцелуй... меня затошнило от мыслей о попытках Эдварда... нет, не стоит вспоминать. Не нужно.

Спрятать это. Спрятать и закрыть. И самой закрыть-ся, уйти в себя... скорее.

– Это за то, что подвез, – я провожу пальцем по его губам, Кит выглядит таким счастливым. Непередаваемое чувство. Когда кто-то смотрит на тебя с блеском в глазах и...

– Какого черта здесь происходит?! – я слышу истошный ор, мое сердце подскакивает и чуть не разрывается от страха. Я отталкиваю Кита, шепча одними губами «беги». Друг хмурится, заслоняя меня телом, когда мой отчим несется к нам, словно цунами – такой же разъяренный, жестокий и неизбежный.

– Щенок! – рывкает Эдвард. Я слышу глухой удар, и кричу, не понимая, почему все происходит так быстро. В следующий раз, когда я смотрю на Кита, то вижу кровь из носа.

– Эдвард, не надо...

– ЗАТКНИСЬ, ШЛЮХА МАЛОЛЕТНЯЯ! – я чуть ли не теряю сознание от его слов, сказанных публично. Черт возьми, откуда он здесь? Где мамочка?

– Ты, щенок, сгинь отсюда! Радуйся, что закон нашей страны запрещает мне избить тебя до потери пульса! Только попробуй еще раз тронь ее, ясно?! Она еще маленькая. А тебе сколько? Двадцать пять?!

– Ему восемнадцать, перестань! Эдвард, я прошу тебя... – заливаюсь слезами, понимая, на что сейчас подписываюсь. Только бы мама была дома...

– Вы окажетесь в тюрьме, ясно?! Вас лишат родительских прав! Мэл, почему ты молчала о том, что твой отчим псих?! – Эдвард кинул Кита на траву, я смотрела на все, сквозь пелену слез.

– Кит, прошу, уйди... прошу. Будет хуже... – словно в бреду умоляю я.

– Я не оставлю тебя одну с этим ублюдком, Мэл...

– Оставишь, – все происходящее мне кажется розыгрышем. Глупой шуткой, бредовым сном, который вот-вот должен закончиться. Но все слишком реально. И пистолет в руках Эдварда тоже.

– Считаю до трех, если ты не свалишь с моего участка, я убью тебя и никто меня за это не осудит. У меня слишком много связей, и, поверь, мне не составит труда, представить все так, будто ты домогался до моей несовершеннолетней дочери. Принцесса, беги домой, я скоро приду, – ласково

добавляет Эдвард, глядя на меня.

Кит поднимает руки, и пятится назад, к машине. У него нет другого выбора. У меня... тоже. Кроме как молиться.

«Я этого так не оставлю», – одними губами шепчет Кит, и скрывается в машине. Я слышу рев мотора, когда Эдвард грубо хватается меня за запястье, и тащит в дом, тяжело дыша, и сотрясаясь от ярости.

– А теперь скажи мне, шлюха малолетняя. Что в словосочетании «никаких свиданий с мальчиками» тебе не понятно?! – Эдвард толкает меня в дом, со всей дури пиная уже закрытую дверь.

Мне так страшно.

Глава 2

Самый болезненный, самый мучительный вопрос, идущий из самой глубины сердца: где я смогу почувствовать себя дома?

Джаред

Дом – место, в которое хочется вернуться, вне зависимости от того, к каким берегам тебя прибила жизнь. В тяжелые времена или на гребне успеха, в моменты внутренней нестабильности и душевного коллапса... в минуты радости и острой потребности почерпнуть энергию в местах, где прошло твое детство, мы все, рано или поздно, возвращаемся домой. И у каждого свои причины искать утешение на родной земле.

У меня нет таких причин и нет такого места.

Если бы я мог ответить, объяснить самому себе, почему? И когда это произошло? В какую секунду своего прошлого я стал бездомным?

Я чужой в Америке, и чужой здесь, в Анмаре.

Среди людей, которые пришли поздравить меня с предстоящей свадьбой, нет никого, кто был бы мне по-настоящему дорог. И дело не во мне. Я лишь выдаю ответную реакцию

на отношение родственников к себе. Я – отражение их ненависти и презрения. Лицемерные лжецы, которые фальшиво улыбаются, глядя мне в глаза, и мечтают посильнее ударить, когда я повернусь к ним спиной.

Я давно научился закрываться воображаемым щитом, который, не смотря на невидимость, очень сложно пробить. Я не бесчувственный избалованный подонок, но хочу им быть...

Почему?

Потому что так не больно.

Я помню, каково это... Долгие часы в закрытой темной комнате с израненными ступнями, распятой гордостью и оплеванной душой.

Я научился бить в ответ в пятнадцать. И после, моя жизнь представляла собой постоянную борьбу с внутренним хорошим парнем, которым я когда-то был, которого хотела воспитать моя мать. Я не уверен, что в итоге, останься она со мной, я бы сильно отличался от сегодняшнего Адама. Отец начал принимать участие в моем воспитании лет с девяти, постепенно меняя мое мировоззрение. Конечно, Рашиду бин Мухаммеду аль-Саадату не было равных в искусстве программирования незрелой психики подростка, как и во влиянии на умы своих последователей, иначе он бы не стал успешным и уважаемым монархом. Мой дед родился обычным смертным. Обеспеченный араб без особой родословной. Вырос и жил в Турции, потом женился на Анмарской прин-

цессе. У нее были наследные братья, но так вышло, что, к моменту смерти правящего монарха, прямых наследников не осталось в живых. В те времена много воевали с кочевниками, соседями, бедуинами. Ничего удивительного в том, что погибли все сыновья правителя. Мой дед Мухаммед бин Карим аль-Саадат, как муж старшей дочери скончавшегося короля, случайно оказался на троне. И именно его ветвь стала правящей в Анмаре, потом власть перешла к отцу, следующим будет Али. Так что во мне слишком много всего намешано, чтобы я мог сказать с уверенностью, кем же являюсь на самом деле. Я помню деда. Он показался мне неплохим человеком. Видел его один раз, когда был совсем мальчишкой. Melegim. Он сказал, что я похож на ангела, имея в виду волосы. Я запомнил. В моем детстве, за исключением воспоминаний о матери, было мало хороших моментов. Когда она оставила меня, мое детство закончилось.

И началась настоящая травля. Сейчас меня не трогают взгляды многочисленных родственников, которые по-прежнему считают меня выродком. Сыном проститутки. У меня тоже нет к ним никакого уважения, и мы играем похожие роли. Притворяемся семьей, которая чтит традиции. Сплошное лицемерие.

Праздник по случаю предстоящей свадьбы, организованный мужчинами нашего рода, проходит на вилле, которую построили специально для меня и Рании. Хотя виллой это огромное сооружение назвать сложно. Архитектурный ше-

девр, напоминающий дворцы из сказок про Алладина, помпезный и вычурный. Окрашенные позолотой залы, высокие потолки с лепниной, бесконечное количество картин на стенах, ковры на полах с восточной стилистикой. Я увидел свой новый дом в первый же день, когда прилетел в Анмар. Меня встретил отец. Лично сопровождал и показал подарок. Мне очень сложно было изобразить восхищение. Годы в Америке сделали свое дело. Я предпочитаю модерн и минимализм, черно-белые тона. А здесь все детали до мелочей отражали саму суть Анмара. Большие многочисленные комнаты, тяжеловесная резьба, яркие краски, пестрые тона. Дорого и броско.

Я словно оказался в точной копии резиденции отца, в которой прошли не лучшие годы моей жизни под опекой Норы. Я знаю, что дизайн разрабатывал не Рашид бин Мухаммед аль-Саадат, а архитекторы, учитывая его пожелания. Полет фантазии у местных умельцев оказался ограниченным. Но мне понравился парк вокруг дома. Несколько километров открытого пространства, на которых располагались искусственные озера, фонтанчики, садовые деревья, цветы и кустарники, скульптуры, беседки, детская площадка. На просторных лужайках еще две недели назад были расставлены шатры, в которых завтра состоится свадьба, и все вокруг утопало в цветах. Действительно очень красиво смотрелись украшения к предстоящему грандиозному празднеству. Отец заявил с горделивой улыбкой, что Аллах еще не видел

такой роскошной свадьбы.

Не думаю, что Аллаху интересен я или Рания, или наша свадьба. Вся неделя прошла в бесконечной суете, приготовлениях, встречах с родственниками и в молитвах. Отец решил, что эти дни я должен провести в духовной чистоте и прислал в мой новый «дворец» своего имама, который рьяно следил, чтобы я соблюдал заповеди пророка и вел со мной благочестивые беседы.

Если честно, я чуть не свихнулся. В Нью-Йорке я посещал мечеть только по пятницам, но и то, по привычке, а не в силу религиозной потребности.

И, конечно, каждый день, согласно традиции, я посылал невесте дорогие подарки и украшения. Она часто звонила мне, очень переживая, что свадьба будет проходить не в ее доме. Я не собирался ехать в соседнее государство, чтобы предстать перед ее родней. Для меня удобнее было отпраздновать здесь. Тем более, что сразу после всех официальных мероприятий, мы с Ранией на неделю улетим на уединенный остров в Тихом океане, который уже тридцать лет принадлежит нашей семье. Все поголовно молодожены выбирают его для своего медового месяца, и я не стал изменять традициям. Мне все равно, куда везти Ранию. Я бы предпочел, вообще, отказаться от медового месяца. У меня были планы и дела здесь... в Анмаре.

Точнее, одно важное дело. Мелания Йонсен, которая стояла мне тридцати миллионов, и теперь томилась на вилле

моей матери. Какая ирония, еще одна украденная женщина из другого мира, вывезенная из Нью Йорка для моего развлечения.

Тридцать миллионов. Такой долг сложно выплатить.

Но дело даже не в деньгах. Сучка предала меня, посмела разговаривать со мной, как с одним из своих щенков, угрожала мне. Снова! Раздвинула ноги для никчемного сосунка Дэвиса. Еще одна продажная шлюха. И меня безумно злит, что, несмотря на все ее преступления, я совершаю безумные поступки, чтобы удержать маленькую дрянь рядом с собой.

Мне необходимо обладать ею.

Зачем, черт возьми? Я мог превратить ее жизнь в ад, не привозя сюда. Мне даже не нужно было присутствовать в Нью-Йорке лично, но мое отношение к Мелании давно перешло все грани разумного и объяснимого. Я должен избавиться от наваждения, должен взять, сломить, растоптать и забыть. Пресыщение – вот мой путь к избавлению. В ней нет ничего, что могло бы долго удерживать мое внимание, и я начну процесс избавления от зависимости сразу после возвращения из свадебного путешествия.

Нужно просто пережить еще одну неделю. Чем дольше ожидание, тем острее удовольствие. Мои собственные мысли о приготовленных для Мэл наказаниях, приводят меня то в ужас, то в дикое возбуждение. Ей не понравится, но кого волнуют ее пожелания. В моей стране женщина не имеет права голоса. Она сделает все, что я захочу. По своей воле,

либо по принуждению.

Я предоставлю ей выбор, и надеюсь, что Мэл прислушается к здравому смыслу и примет свою судьбу, покорится моим желаниям и не станет усложнять свою жизнь противостоянием со мной, которое выльется для нее в агонию боли.

Сумасшедшая... Только сумасшедшая станет будить зверя в Адаме бин Рашиде аль-Саадате. К моему возвращению мои наяды приведут ее в чувство, а если нет, то я продолжу воспитательные меры. Надеюсь ей придется по размеру мой драгоценный подарок. Она больше не будет швыряться моими подарками. Никогда. Теперь – она мой гребаный подарок. До конца ее дней.

Мне не хочется думать о Мелании Йонсен сегодня. В последний день моей холостяцкой жизни. Но я не могу не думать. Меня разрывают изнутри противоречивые мысли, страсть, гнев, жажда ее боли, похоть... Она разбудила самое худшее во мне своей глупостью и ложью. Я покажу сучке ее место.

С трудом заставляю себя мысленно вернуться к происходящему в самом большом зале виллы. В центре комнаты танцуют три полуобнаженные девушки. Я и мои гости сидим на низких диванах, наблюдая за эротичными движениями танцовщиц с открытыми лицами. Отца здесь нет, не смог оторваться от важных государственных забот. Остальные родственники мужского пола присутствуют, но я с ними

почти не общаюсь. Гости поглощают угощения, пуская слюни на танцовщиц, оживленно переговариваясь и жестикулируя. Али в центре, и, как всегда, привлекает к себе всеобщее внимание слишком громким голосом.

Если бы не Мэтт Калиган, который прибыл утром и сейчас сидел по правую руку от меня, я бы уже покинул зал и поднялся в свою спальню. Друг тоже откровенно скучал, придя в шок от отсутствия спиртного на празднике. И совсем упал духом, узнав, что и завтра, на свадьбе алкоголя не будет.

Вечер перестал быть «томным» и стал откровенно скучным. Я едва сдерживал зевету, и даже красивые женские тела меня не вдохновляли.

– Может, свалим отсюда и выпьем, как нормальные люди? – спросил Мэтт, когда Али в очередной раз громко расхохотался.

– Они скоро разойдутся, Мэтт, – качаю головой. – Я сам уже засыпаю.

– Если и свадьба будет такая веселая...

Калиган не успевает договорить, так как слово берет Али, вставая на ноги и поворачиваясь ко мне с неискренней улыбкой на лице.

– Дорогой брат! – высокопарно начинает он. – Аллах свидетель, завтра тебя ждет самый важный день в твоей жизни. Ты женишься на прекрасной девушке, которую когда-то я сам мечтал взять в жены. Я не держу на тебя зла, брат. И в знак моей искренней радости хочу преподнести тебе дар, от

которого не откажется ни один мужчина.

Я удивленно вскидываю голову, пристально глядя в самодовольное смуглое лицо Али. Его черные глаза обещают мне очередную порцию унижения. Но у него не получится уязвить меня, я найду способ отразить любой удар.

– Я счастлив и в нетерпении, брат, – снисходительно отвечаю я, наклоня голову набок.

– Девушки, которые услаждают наш взгляд сегодня, куплены мной в Литве, я выбирал их специально для тебя, брат.

– Не думал, что в Литве разрешена торговля людьми, Али, – сухо замечаю я, бросая взгляд на девушек, которые замирают и призывно улыбаются мне. Они знают наш язык или просто догадались, о чем речь. Мне не сложно понять, что Али купил их в борделе. Три белые шлюхи в подарок сыну шармуты.

– То, что недозволено обычным людям, может себе позволить будущий шейх Анмара, – самодовольно произносит Али, высокомерно поглядывая на меня. Кусок идиота.

– Я возьму только двух, Али, – с улыбкой произношу я, – Предпочитаю блондинок. Брюнетку оставь себе. Столько усилий, ты тоже должен получить свою долю вознаграждения.

Взять себе шлюху, пользованную в борделе, для будущего короля – позор. Наш отец не скупился на живые игрушки для себя, но всегда приобретал чистых и невинных девушек. Подарок Али – насмешка и напоминание мне о моем проис-

хождении. Но брат сам загнал себя в ловушку. Он не сможет отказаться от девушки. Я ей не завидую, но это уже ее дело.

– Спасибо, Адам. Твоя щедрость безгранична, – сквозь зубы цедит Али. Я ухмыляюсь, глядя на него.

– Как и твоя, Али, – едва заметно склоняю голову.

– Круто. А можно я возьму брюнетку? – разбавляет напряженно молчание своим гомерическим хохотом Мэтт.

– Боюсь, что ты не сможешь забрать девушку с собой в Нью-Йорк, Мэтт, – заметил я. Калиган сокрушенно вздохнул и развел руками:

– А жаль.

Али нашего веселого настроения явно не разделял, сверля меня свирепым взглядом, если не сказать хуже. Многочисленная родня как-то сразу притихла, почувствовав энергетику напряжения и злобы между мной и братом. Гости оперативно засобирались домой, чему я был только рад.

Али бин Рашид аль-Саадат покидал мой дом последним, не скрывая своего гнева. Одна из шлюх, предварительно одетая в длинную черную абайю, следовала за своим новым хозяином, понуро опустив голову. Я понимал, что Али выместит свой гнев на девушке, и судьба ее ожидает отнюдь нерадостная. Но меня мало волнует, как поступит с навязанным приобретением мой неуравновешенный брат. Мне еще предстоит разобраться с собственными «подарками», которые были сделаны с целью унижить и уязвить меня перед толпой родственников.

Мэтт не скрывал своего недоумения в отношении наших «варварских» обычаев, особенно отсутствием спиртного во время празднования предстоящей завтра свадьбы. Данный момент ошарашил его еще больше, чем подаренные мне две белокурые девушки. После короткого опроса, я выяснил, что им по двадцать с небольшим лет, и обе жрицы любви последние три года провели, как я и ожидал, в борделе в Литве. Когда шейх предложил им сказочные условия работы в Анмаре, они, не раздумывая согласились. Банальная история, но с той разницей, что отец предпочитал покупать себе секс-игрушки в Судане и Нигерии, Таиланде, где незаконная торговля людьми велась практически безнаказанно. Моя мать была исключением. Он здорово рисковал, когда насильно вывез ее из Европы. Как и я... Безумие и одержимость, видимо, наследуются на генетическом уровне, толкают на необдуманные поступки, которые могут очень серьезно усложнить мою жизнь, ударить по репутации, уронить тень на имя аль-Саадатов. Но когда я искал легких путей?

Весь вечер я ждал, что Мэтт задаст мне вопрос, но мы постоянно были на виду, и он не осмеливался. Однако я замечал его долгие задумчивые взгляды, которые время от времени замирали на мне.

– Что думаешь с ними делать? – спросил Мэтт, поглядывая на робко переминающихся с ноги на ногу девиц. Я тяжело выдохнул, откидываясь на спинку дивана, снисходительно изучая милovidные мордашки и стройные фигурки. В

Анмаре тоже есть бордели...

– Могу предложить вам два варианта, дамы, – обращаюсь девушкам на-английском. – Первый – продолжить свою карьеру в одном из домов удовольствия в городе. Условия будут лучше, чем в Литве, в плане оплаты. Второй – я могу отправить вас на другую виллу, где в ваши обязанности будет входить уборка дома, поддержание в порядке комнат, приусадебной территории. Также можете ублажать моих гостей, если пожелаете, и за дополнительное материальное вознаграждение. Какой вариант вам кажется более приемлемым?

– Second, – хором отвечают девушки.

– Отлично, вопрос решен, – удовлетворенно киваю я. Мэтт ошарашенно смотрит на меня, потом на девушек.

– Так это не шутка? – спрашивает он. Калиган оторопело смотрит на шлюх, потом на меня. Видимо парень всерьез считал, что происходящее не более, чем розыгрыш, а девушки – наемные стриптизерши, играющие свою роль по предварительно оговоренному сценарию.

Я пожимаю плечами, делая знак своей невидимой охране. Мои распоряжения выполняются мгновенно. Через пару минут новые работницы с широким спектром услуг покидают дом.

Мэтт останавливает на мне один из своих выразительных взглядов.

– Ничего не хочешь сказать мне, Джар? – спрашивает он.

Я искусно изображаю удивление, отвечая уверенным,

слегка раздраженным взглядом.

– Калиган, мы в Анмаре. Здесь не стоит удивляться живым подаркам, – заявляю я невозмутимым тоном.

– Речь не о литовских проститутках. Я о Мелании Йонсен, – глядя прямо мне в глаза, уточняет Мэтт.

– С некоторых пор это имя вызывает у меня только отрицательные эмоции, – пренебрежительно морщусь я.

– Значит, ты не в курсе, что она пропала в то же самое время, когда ты вылетел из штатов.

– Что значит пропала, Мэтт? – ледяным тоном интересуюсь я. – Я ее уволил, она продала конфиденциальные данные конкурентам. Ищи ее на фешенебельных курортах, только не понимаю, зачем тебе это нужно, Калиган.

– Ты утверждаешь, что ее здесь нет? Ты не имеешь никакого отношения к похищению Мелании Йонсен? – Калиган пристально смотрит на меня, недоверчиво сощурился глазами. Пфф... Конечно, она здесь. Поехали, я тебе ее покажу. Идиот, б...ь. Но вслух, конечно, говорю другое.

– Ты в своем уме, Мэтт? – вспыхиваю я, стискивая челюсти. – Зачем мне нужна эта использованная шлюшка, которая, к тому же, практически обворовала меня.

– Вот и я том же, – кивает Мэтт, его взгляд неотрывно следит за выражением моего лица, выискивая свидетельства моего лукавства или неискренности. – Ты два года вынашивал план ее завоевания. Ты получил свой трофей, но что-то вышло из-под контроля, так ведь? Признайся мне, Джар. Я

понимаю, знаю, как это бывает. Не делай того, о чем пожалеешь.

– Я не имею никакого отношения к исчезновению Мелании Йонсен, – В голосе явственно звучат металлические нотки, но Мэтт не отступает. – Ты не там ищешь, – утверждающе подчеркиваю я.

– Ищу не только я, Джаред, – Мэтт тяжело вздыхает, качая головой. Отходит в сторону большого окна, засовывая руки в карманы. – Сэм не находит себе места. Родители Мелании обратились в полицию. Ее отчим – военный человек, со связями. К тебе в любом случае будут вопросы, потому что Саманта и Эйприл указывают тебя в качестве главного подозреваемого.

Мои губы кривятся в циничной усмешке, внутри все клочечет от ярости. Какого черта я должен оправдываться, словно нашкодивший щенок. Внешне я остаюсь совершенно спокойным и сдержанным.

– Ты думаешь, что у меня настолько поехала крыша, что я похитил Йонсен и держу ее тут в пыточной камере? – с ленивой интонацией скучающего сытого хищника спрашиваю я.

– Я помню, в каком ты был состоянии, когда орал на меня по телефону, узнав, что это я проболтался Сэм про твою свадьбу. И я помню, как с трудом оторвал тебя от нее в библиотеке. Черт, Джаред, согласись, когда дело касается Йонсен, ты себя не контролируешь.

– Я не подбираю объедки, Мэтт. Я уже получил все, что

хотел. Сука обворовала меня, куда-то свинтила, чтобы потратить деньги, заработанные на моей компании, а ты еще умудряешься заподозрить меня в ее похищении? Это ты, судя по всему, окончательно спятил, – перестав контролировать эмоции, я перехожу в наступление. Я виновен, но меня приводят в ярость слова друга. Неужели меня так легко прочитать, черт побери...

– Ладно, парень. Не кипятись, – идет на попятную Калиган. – Не ты. Я тебя слышал. Закрыли тему. Просто будь готов, что ее семья обратится в американское посольство. И тебя все равно вызовут на допрос. Считай, что я предупредил... по-дружески.

– Моя благодарность не знает границ, – скептически произношу я.

– Ты говорил, что когда горячие парни свалят, мы сможем выпить? – резко меняя тему с плутоватой улыбкой спрашивает Калиган.

– Ты неисправим, Shaitan³ тебя побери, – копируя интонацию своих родственников, восклицаю я, вскидывая вверх руки.

– Давай только без ваших этих мусульманских штучек, – смеется Мэтт. – Где тут у тебя бар?

---

³ Араб. Черт.

Мелания

Вторые сутки все мое тело дрожит от холода. При этом в комнате так душно, что кажется, нечем дышать. Еще пара дней, и я умру от голода или нехватки кислорода.

Или от безделья.

Я прикладываю свои ледяные руки к не менее холодным щекам, и пытаюсь согреться, сидя в ванной, до краев наполненной горячей водой.

Я совсем ничего не ем, в надежде на то, что моя «забастовка» вызовет у Саадата хоть какую-то реакцию. Поэтому мне так холодно. Энергии и сил нет ни на что. Даже думать трудно.

Со мной уже случалось подобное. Нервное истощение. После *близкого* общения с отчимом я довела себя до анорексии. Я дошла до той самой стадии, когда организм уже почти не принимал пищу. В психиатрической клинике было тяжело, но тогда меня спас прекрасный психолог, без которого меня здесь давно не было бы.

Но сейчас мне никто не поможет.

Не понимаю, на что я рассчитываю? На то, что Джаред придет и будет кормить меня с ложечки? В глубине души – да. *Я хочу, чтобы он пришел.* Мне так плохо, голова разрывается от давления, что иногда я даже допускаю мысль, что действительно готова умолять его снять с меня маску, стоя

перед ним на коленях... Умолять его поверить мне. Что я не крада у него ни цента, и за то, что пригрозила ему полицией и так бесцеремонно выгнала из дома. Возможно, я погорячилась, унизила его, задела. Это было неразумно, ведь я знала, что подобным поведением только сильнее разозлю Саадата. Боже, я просто хочу, чтобы он дал мне возможность все объяснить ему.

Чтобы он отпустил меня. Джаред же не псих, не маньяк, не больной... он держит меня здесь из мести, обиды и ярости. Одержимый проучить меня – девушку, которая не побоялась потерять его, еще и обокрала компанию на 30 миллионов долларов. Представляю, как для него все это выглядит... Если конечно Саадат не сам слил информацию с моего компьютера. Ну, а кто еще мог? Ни у кого не было доступа к моим файлам – только у президента компании. Даже Беатрис такое не под силу.

Произошла какая-то чудовищная ошибка.

Может, я могу как-то повлиять на его решение? Пока не поздно. Может быть, я погорячилась, когда все эти два дня лежала на кровати и в мыслях разрезала его душу на маленькие кусочки?

– Ну, давай же... пожалуйста. Пожалуйста, Джаред,ними это... – слабым голосом прошептала я, снова нащупывая замок, прикованный к затылку. Мне никак не снять ее. Только вместе с головой.

Отчаянье накрывает меня лавиной, и я начинаю рыдать

в полный голос, опуская руки в горячую воду. Я плачу навзрыд, не понимая, каким словом или действием я заслужила *такую* муку. Он мог бы просто снять ее... это было бы человечно. Боюсь, Джаред не представляет, как мне больно, и насколько сложно уснуть, испытывая не прекращаемые головные боли.

Я затыкаю рот ладонью, и впиваюсь зубами в костяшки пальцев, чтобы прекратить ужасный вой, идущий из самых глубин души. Не удивлюсь, если здесь есть камеры. Джаред будет в экстазе, если увидит это. *Он еще ничего не успел сделать, а я уже сломалась.*

Я наспех моюсь, и на какое-то время словно отключаюсь от реальности. Действую на автомате, в полном забвении. Я знаю, что только так можно избежать боли. Уйти в себя. Я сделала это однажды, могу сделать это и сейчас.

Но потом уже не будет возможности вернуться. Я стану куклой, манекеном, бесчувственной и опустошенной, если позволю себе выпасть из реальности окончательно. Доктор строго – настрого запретила мне впадать в подобное состояние. Иначе рецидива не избежать.

Никогда не забуду ее слова, которые миссис Ллойд сказала мне на одном из последних сеансов лечения, глаза в глаза.

«Отказаться чувствовать – значит отказаться жить, Мелания. Даже если испытываешь такое чувство, как боль. Уходя в себя, ты еще глубже погружаешься в депрессию. Это съест тебя изнутри. И это несмотря на то, что физически ты абсо-

лютно здорова. Но ты справишься, если позволишь себе поменять отношение к случившемуся. Иначе случившееся навсегда изменит тебя. Будь сильной.»

И тогда я собралась. Я могла бы остаться в психиатрической клинике навсегда, и никогда бы не поступить в Йель. Но мне удалось вернуться к нормальной жизни, и даже... простить его.

Простить их всех. Отчима, который меня разрушил.

Маму, которая меня предала.

И папу, который слишком рано меня оставил.

И сейчас вернусь. Лишь бы Джаред снял с меня маску.

Уверена, все еще можно решить мирным путем...

Я пила воду из-под крана, чтобы служанки передавали Саадату, что я не ем и не пью. Хотя в первый день я возвращала служанкам почти пустые подносы – набрала еды, спрятала в шкафу, и теперь растягивала запасы, как могла. В тот день они были так дружелюбны и рады моему аппетиту. Когда я перестала прикасаться к еде, они забирали поднос, нахмутив брови, шепча на арабском что-то о том, что «хозяин будет не доволен».

Тогда где он? Где его недовольство и ярость? Почему он, черт возьми, не приходит?

Джаред снова забыл обо мне. Как тогда, после незабываемых для меня часов на яхте.

И неизвестно сколько дней, недель, или даже месяцев я просижу взаперти. У Джареда целый *гарем* шлюх. И здесь,

я одна из них: одинокая, запертая, ожидающая своей... очереди.

Дни тянутся медленно, бесконечно. Каждая минута подобна вечности, и меня бросает то в жар, то в холод, то знобит, то я задыхаюсь от жажды, то плачу, то впадаю в ступор, глядя перед собой в одну точку часы напролет, то снова трясусь, как в лихорадке. Думаю, у меня поднялась температура. Организм сопротивляется, показывает, что мне нужно скорее поесть, снять маску, и подышать свежим воздухом... но теперь я не могу позволить себе такой роскоши. Я пытаюсь разбить окно, понимая тщетность своих усилий. Мне не выбраться отсюда. Я не могу любоваться морем и закатами, красотой этого места, пока страх и ожидания неизбежных пыток пожирают меня изнутри. Встаю под кондиционер, который лишь создает имитацию воздуха. Имитацию жизни.

Страх, боль, агония, отчаянье... Безумие. Я близка к тому, чтобы сойти с ума.

Иначе, как объяснить, что к концу второй недели, я больше не кляню Джареда, и почти смирилась со своим положением. И даже кожа под маской больше не раздражена так, как раньше.

Я никогда не умела бездельничать. Если случались часы бездействия и апатии, мне начинало казаться, что я деградирую, погибаю. А тут, столько дней... полной изоляции и одиночества. Я от скуки начала читать Коран, но меняхватило ненадолго. Не хочу ничего знать ни о *его* Боге, ни о *его*

стране.

На долгое время я осталась наедине с собой, и со своими разбитыми мечтами, с разочарованием в первых настоящих чувствах и своим прошлым.

И в какой-то момент я поняла, что скучаю... по своему палачу.

Черт возьми, как?! Лишь на мгновение допускаю эту мысль, и тоска по Джареду наполняет сердце. Скучать по нему еще больше, чем каждый день испытывать мигрени, одиночество и ясно осознавать собственную ничтожность, неспособность дать достойный отпор своему противнику.

Я лежала на дорогом пушистом ковре и дрожала, когда почувствовала, как боль во всем теле достигла пика. Чувствовала себя так, словно каждая косточка в теле была переломана. Лицо горело огнем. В мою комнату ворвались служанки, как всегда что-то бурно обсуждающие на арабском языке. При мне они иногда говорили на ломанном английском, но я хорошо их понимала.

– У нее жар, Самина, – краем уха услышала я, перед тем, как погрузиться в зыбкую тьму забвения. И снова я потерялась в калейдоскопе из голосов и специфических запахов лекарств, прикосновений чужих рук к моему телу. По внутреннему ощущению, очнулась я уже через несколько дней. Прислушалась к голосам в комнате. Мои служанки говорили на арабском. Кажется, они действительно были обеспоко-

ены моим здоровьем. Даже служанкам я важна больше, чем Джареду. Неужели ему плевать на то, что он довел меня до грани?!

Девушки говорили о своем хозяине. Я разбирала только отдельные словосочетания. «День свадьбы», «Рания», «Свадебное путешествие», «Любовь», «Роскошный праздник».

И каждое слово оставляло шрам на моем сердце. Состоявшаяся свадьба Джареда задевала меня куда больше, чем я бы этого хотела. Все-таки женился... Конечно, да. Разве могло быть по-другому. Еще одна женщина, с которой он будет спать. *После меня.* Ласкать ее, улыбаться, просыпаться утром, заботиться, любить... Если он знает, если способен понять, что значит «любить».

Противно. Больно. Лучше даже не представлять. Воображение рисует такие картинки, от которых мне хочется выть.

– Вам нужно поесть, – душевно улыбается мне Самина, когда замечает, что я очнулась. – Иначе лекарства не помогут. Пожалуйста, bent⁴. Мы сделаем для вас все, что пожелаете. Хозяин приказал нам заботиться о вас. Если вы... если вы не поедите, мы будем наказаны, – в глазах девушки заблестели слезы, и я поняла, что больше не могу издеваться над ними. Я буду есть. Попытаюсь.

Тяжело вздохнув, я присела на кровати, и придвинула к себе поднос, на котором стояли неизвестные мне блюда. Еда пахла божественно, но аппетита у меня не было. Придется

---

⁴ Девушка – араб.

давиться.

– Вы можете снять с меня маску? – ковыряясь в тарелке с рисом, наконец, спрашиваю я.

– Нет, bent, только хозяин сможет помочь вам.

– Тогда почему он не приходит?

– Мы не можем знать, – отвечает вторая девушка, которую зовут Хана. – Он бы не одобрил, если бы я это сказала вам. Но он был очень зол, когда узнал, что вы отвергаете его дары.

У меня задержалось веко. *Дары?!*

Я судорожно выдохнула, справляясь с эмоциями.

– Передайте хозяину, что мне не нужны его дары. Мне нужно, чтобы он избавил меня от этой штуки, – я слегка постучала по платиновой маске.

– Хозяин уехал в свадебное путешествие со своей женой. Был большой праздник.

– Рании повезло, – мечтательно добавила другая девушка, поправляя свой платок. Очевидно, они считают везением выйти замуж за человека, который может держать кого-то в плену и мучить. – Heia kannt gamilah gedan⁵, – добавила она на арабском, обращаясь к подруге.

– Neu lazem tehmal der asraa wakt es ela haitgawez aleha wajda tahnia⁶, – добавила другая. Все ясно. Две сплетницы.

Мысль о беременности жены Джареда окончательно отби-

---

⁵ Она была такой красавицей.

⁶ Араб. Ей нужно поскорее забеременеть, если она не хочет, чтобы он взял вторую жену.

ла у меня желание есть. Все куда серьезней, чем я думала. Для нас с Джаредом нет никакого светлого будущего.

Ни в одной из вселенных...

Следующие несколько дней прошли так же тоскливо и бесполезно. Я умирала изнутри. Просто лежала, утопая в собственных слезах и жалости к себе. Был лишь один случай, который мне запомнился. Хоть как-то разбавил мое бесполезное существование.

– Я выберусь отсюда! Чтоб тебя, Саадат! – меня накрыла вспышка неконтролируемого гнева, и взяв стульчик из ванной, я напала с ним на единственный выход из этого ада – окно.

Я замахивалась снова и снова, не жалея сил, представляя, как избиваю Джареда этим стулом. Мне просто необходимо было выплеснуть весь негатив, всю ярость, испепеляющую меня изнутри, сжигающую мое сердце, поедающую разум. Я должна избавиться от гнева, если не хочу наброситься на него, когда наша долгожданная встреча, наконец, произойдет.

– **НЕНАВИЖУ! ВСЕМ СЕРДЦЕМ НЕНАВИЖУ!** – с диким ором, я замахнулась на стекло, тут же услышав громкий треск. Ох, да. С еще большим остервенением я начала портить имущество Саадата, но стекло разбиваться не собиралось. Не знаю, из чего оно сделано. Черт возьми, да разбейся же...

– Давай! Давай же... – в последний раз треснула по стеклу и с яростным рыданием отбросила стул в сторону. Что-

то разбилось. Ваза с красивыми цветами, которую служанки принесли мне еще вчера.

Снова поддавшись отчаянью, я падаю на пол, впиваясь зубами в выпирающие коленки. Медленно раскачиваясь на полу, я пытаюсь справиться с дрожью и унять фантомные боли в груди.

Где ты, Джаред..? Ты мне нужен, – жалобно пронеслось в голове, и поэтому, как только я услышала, что дверь позади меня открылась, а за этим последовал звук тяжелых мужских шагов, я испытала целую гамму чувств.

Это он. Создатель моих мук, и мой спаситель. Точнее, единственный, кто способен выволить меня из золотой клетки и платиновой маски, в которые он же и заковал.

Неужели я хотела, чтобы он увидел меня такой? Жалкой, исхудавшей, сломленной, заплаканной... до чего я себя довела?

Остается только надеяться, что такую «красавицу» он не захочет.

– Успокойтесь, – мягкий голос за спиной и тяжесть мужской руки на моем плече. Я вздрагиваю. Это не Джаред. Я его сразу чувствую... Первая мысль: а вдруг... я вообще не в плену у Саадата? Вдруг он продал меня кому-то другому?! Не знаю, как я не умерла от сковавшего все тело ужаса, допуская такую мысль.

От Саадата всего можно ожидать.

– Не трогайте меня! – я быстро повернулась боком, свер-

нувшись калачиком. Облокотилась на стену, исподлобья смотря на мужчину. Я знаю его. Он был в самолете.

На вид, ему около шестидесяти – несмотря на спортивное тело, выдают глубокие морщинки. Мой взгляд скользит по аккуратной бороде и темной коже. Опускается ниже, изучая его одежду. Белая рубашка и черные брюки. Кобура на поясе... украсть бы у него пистолет...

Он не отрываясь глядел на меня – с жалостью, сочувствием и состраданием. Мужчина явно не понимал, как можно заковать лицо молодой девушки в маску.

– Мисс Йонсен, вам не стоит крушить мебель. Через окно вы все равно не сбежите, разобьетесь. Мой вам совет: ведите себя спокойно, и Адам снимет с вас это. Все будет хорошо.

– Выпустите меня, – я почти не слушаю его советы, которые не спасут меня от «торговли телом» в уплату долга. – Пожалуйста! Вы же добрый человек... я вижу. Он держит меня в плену. Незаконно. Моя семья ищет меня. Мои родители, мои подруги, моя жизнь... поймите же, ваш хозяин меня похитил, я не... – язык не поворачивался назвать последнее слово. Шлюха. Sharmutah sugaiarah.

– Я работаю на Саадатов столько лет, сколько вам скоро исполнится, мисс Йонсен. Они – моя семья. Но я очень сочувствую вам, если это не то место, где вы бы хотели оказаться. Я многое видел за годы работы с отцом Адама и с ним самим. И скажу вам одно: злить восточного мужчину не стоит. Боюсь, вы не представляете, о чем я говорю. Я был в Аме-

рике, и прекрасно знаю ваш менталитет. Вы не понимаете, как далеко готов зайти восточный мужчина, чтобы укротить строптивую женщину. Мы привыкли к покорности и подчинению. Спокойствию и смирению. Отец Адама щедро одаривал своих женщин, но лишь с одной он превращался в зверя, в котором я не узнавал своего хозяина. Если хотите, чтобы маска была самым худшим, что случилось с вами здесь – будьте благоразумней. Ешьте, отдыхайте и ждите решения Адама, исполняйте его волю, и он будет милосерден к вам, – мягко произнес мужчина. Тошно было от его слов.

Покорность и подчинение. Хорошо. Я постараюсь. Чтобы усыпить его бдительность. Я буду спокойна, но если Джаред поднимет на меня руку, или будет принуждать «отрабатывать» долг... я за себя не отвечаю.

– Как вас зовут? – поджав губы, просто спросила я, соскучившись по человеческом общению. Мне нужно подружиться с ним. Это пригодится.

– Зовите меня Амир, мисс. Я здесь для того, чтобы оберегать вас.

– Вы хотите сказать: следить, за тем, чтобы я не сбежала?

– Вы не сбежите. Мы в Анмаре. У вас нет документов. И поверьте, если вы бы вышли на улицы Анмара в одиночку, вас ждала бы участь гораздо хуже... – протянул Амир, разглядывая мои... волосы. Потом он посмотрел мне прямо в глаза, и мне стало неловко... от того, что этот мужчина в возрасте смотрит на меня так, словно желает меня.

Они все здесь озабоченные извращены?! Как же я скучаю по Тому. Который никогда не давил, который просто был рядом.

Я скучаю по голосу мамы, по ночным разговорам с Сэм... а больше у меня никого и нет. Больше нет. После предательства Эйприл, мне не нужны новые друзья.

– Поэтому, будьте мудрее. Через полчаса Самина принесет вам поесть и уберет осколки. Не хочу, чтобы вы поранились, – Амир слегка поклонился, и ушел прочь, заперев меня снаружи.

Через полчаса Самина приносит мне ужин, и через силу справляясь с тошнотой, я поглощаю его, наблюдая за тем, как она убирается в моей комнате.

Не замечаю, как наступает следующее утро, вновь впадая в апатичное состояние. Самина и Хана принесли не только завтрак, но и какие-то крема, и масла, которые нужно было втереть в кожу.

Самина расчесывала мои волосы, приговаривая на арабском «платина», «шелк», и «красивая», но я была не рада таким комплиментам.

По многочисленным манипуляциям с моими волосами и телом, я поняла одно: сегодня ко мне придет Джаред.

И я не хочу его видеть.

Я боюсь, что, когда увижу его, боль будет слишком сильной. Что я не смогу быть покорной, наговорю лишнего, наброшусь на него и только усложню свою участь. Теперь он

женат, и каждый раз глядя на него, я буду смотреть и думать, как еще несколько дней назад, он давал вечные клятвы перед Богом любить другую женщину.

Он говорил ей, что любит? А потом провел с ней брачную ночь, и уехал в свадебное путешествие. И ее он не трахал бесцеремонно на носу яхты. Возможно, их первая ночь была полна любви и нежности... все-таки жена, это не Sharmutah, о которую можно вытереть ноги.

Наверное, вот что самое обидное. Это не Беатрис, не очередная шлюха.

А его жена. Девушка из страны Джареда, девушка его уровня, девушка, с которой он может быть очень счастлив. Есть у Джареда чувства к ней, нет никаких чувств... это не имеет значения, потому что он будет делить с ней постель, обнимать по ночам, и рано или поздно, у них будет ребенок с такими же стальными, как у него, глазами.

Она всегда будет у него на первом месте. Не сомневаюсь, что соблюдая строгие традиции восточной страны, эта девушка сберегла себя, и он стал у нее первым.

«Ведь это мог быть я, Лана.» – я слышу слова Джареда из прошлого, и вспоминаю все разочарованные ноты в его голосе. Его жена станет для него тихой гаванью, миражом в пустыне, потому что она, как выразился Амир, привыкла к «подчинению, смирению».

Возможно, она станет для него всем, потому что я уверена, что в глубине души, даже Джаред нуждается в женщи-

не, настоящей женщине, любимой... принадлежащей только ему без остатка. Не в дешевке из офиса или клуба. А только его женщине.

И эта женщина – не я. И это никогда не буду я.

Глава 3

Джаред

Свадьбы в Анмаре отмечаются с размахом – на широкую ногу, громко и дорого. К ним готовятся месяцами, если не годами, и мне сказочно повезло, что я приехал за неделю до грандиозного пиршества. Можно сказать, на все готовое. Подготовкой к церемонии занимались мои сестры, которых я не видел уже много лет, так как некоторые из них вышли замуж, другие – жили в домах своих матерей, и у меня не было повода с ними встречаться. К женщинам в моей стране особенное отношение, они живут или в отдельных домах, или на женской половине в доме отца или мужа, полностью зависимые от того, кто несет за них ответственность. В детстве, до девяти лет, именно до этого возраста девочкам и мальчикам разрешают играть вместе, я иногда общался с Сарой, младшей сестрой Али, и испытывал к ней подобие симпатии. Мы были ровесниками, и она единственная не смотрела на меня, как на прокаженного. С другими сестрами я практически не общался, а вот Сара запомнилась мне немного грустным, неуверенным ребенком с глазами, как у Бемби. Маленькая, угловатая, некрасивая. Я знаю, что она до сих пор не замужем, и представляю, сколько насмешек ей при-

ходится терпеть в доме отца, который к своим дочерям относится не лучшим образом. Точнее, вообще, никак к ним не относится. Для него, как для монарха, самое главное – наследники мужского пола. Девочки – неудачное стечение обстоятельств. Догматическое, устаревшее заблуждение, которое до сих пор сидит в умах арабских мужчин. Чем больше родил мальчиков, тем больше ты сам состоялся, как мужчина. Моя мать говорила мне о том, насколько неправильно отношение арабов к женщине, она рассказывала, как ее любили и баловали родители, и я всегда представлял Англию, как некий сказочный оазис, в котором живут любящие друг друга счастливые люди.

Конечно, когда спустя годы я приехал в Лондон, увидел совсем другую реальность, но на тот момент, я уже не питал иллюзий. Мне было сложно находиться в стране, где выросла моя мать. Я ходил по улицам, боясь узнать ее в лицах прохожих, и, в то же время, надеясь на это. Я не знаю, что сказал бы, о чем спросил, как бы повел себя. Моя память подкидывает мне слишком противоречивые воспоминания. Иногда я ее понимаю, иногда ненавижу. Но чаще испытываю боль и разочарование. Она была мне нужна сильнее, чем я мог себе в этом признаться. Я никогда не переставал задаваться вопросом, что со мной было не так, раз родная мать оставила меня по своей воле.

И сейчас, в день моей свадьбы, я бы хотел услышать ее

совет, или хотя бы вспомнить ее лицо, а не размытый образ.

Сказки о кричащей роскоши и великолепии арабских свадеб в Анмаре превращаются в сверкающую бриллиантовым блеском реальность. Я много раз бывал на подобных мероприятиях, и примерно знал, чего ожидать от важного для каждого мужчины дня. Однако просчитался. Масштаб нашей Ранней свадьбы затмил многие, которые играли ранее. Оказалось, что именно Сара взяла все приготовления на себя и являлась главным координатором организации праздника. И, наверное, она сделала для меня все то, что хотела бы увидеть на своей свадьбе.

По традиции празднество происходило в нескольких шатрах, украшенных тысячами роз, которые издавали приторное благоухание. Женщины праздновали отдельно от мужчин, но, судя по музыке и смеху, которые доносились из соседних шатров, им было даже веселее, чем нам.

Свадьба считается священным таинством, и в этот день я мог не ждать удара в спину от Али или других недоброжелателей. К тому же, со мной был Мэтт, который, не смотря на количество выпитого накануне, чувствовал себя весьма бодро, и с интересом наблюдал за происходящим. В какой-то момент, когда началась шоу-программа с участием известных исполнителей песен и танцоров, я даже стал испытывать подобие удовольствия от происходящего. Столы ломились от еды, гости восхваляли Аллаха, желая мира и благополучия мне, моему дому, моей жене и будущим детям. Со всех

концов неслись громогласные:

– Allah akbar⁷.

– Barak Allah fik⁸.

– Djazakumu Allah hair⁹.

По традиции, церемония заключения брака проводилась без невесты, документы подписывали ее представители, заверялись свидетелями. Наши отцы эмоционально и бурно поздравляли друг друга. Все остальные гости тоже шумно, и вполне искренне, выражали свою радость, наслаждаясь праздником и наедаясь вдоволь, не забывая хвалить хозяев. Я не знал и половины из собравшихся лично, но зато каждый торопился поздравить меня, произнося красноречивые и витиеватые тосты.

Но как только я надел на палец платиновое обручальное кольцо, вся временная эйфория от всеобщего веселья, смеха, песен, музыки и плясок, сошла на нет. Я словно оглох и ослеп, глядя на широкий платиновый ободок, ощущая нарастающую внутри волну неприятия, возмущения и отторжения. Мое сердце билось стремительно, заглушая пульс крови в венах, пальцы превратились в лед. Я переводил взгляд с одного улыбающегося лица на другое, чувствуя, как оглушительный гул взрывает мои барабанные перепонки. Может быть, мне не стоило пить вчера так много виски, но я

---

⁷ Аллах велик.

⁸ Да благословит тебя Аллах.

⁹ Да воздаст Аллах благом.

подозреваю, что причина моего состояния сокрыта в другом. Преодолевая боль, сковавшую виски, снова опускаю взгляд на кольцо. Серебристый оттенок металла напоминал мне о шелковистых волосах девушки, которую я украл из чужой страны. Она предала меня, она была с другим мужчиной, а я продолжаю думать о ней даже на собственной свадьбе. И это не ненависть, не гнев, не ярость. Мое сердце разрывается от боли. Тот мальчик, которого моя мать нежно целовала перед сном, шепча ему о том, что однажды он вырастет настоящим мужчиной, способным защитить ее и свою избранницу, сейчас плакал глубоко внутри. И я не знаю, почему так происходит. Все дело в атмосфере всеобщего веселья вокруг меня, пожеланиях счастья и любви. Особой энергетике всеобщего веселья. Это особенный день для меня, и, отбросив затуманивающие разум эмоции, я вижу истину, которая сокрушает до основания мой непробиваемый панцирь бездушного эгоиста, который я создавал долгие годы.

Она ранила меня, но не убила. И я буду бороться, построю стены заново ... но завтра. Сегодня я могу впустить грусть и боль в свое сердце.

Начиная игру, я был уверен, что наша история станет очередным приятным развлечением, я виртуозно рассчитывал шаги, как музыкант ноты, я был одержим желанием поставить Меланию Йонсен на колени, но, в итоге, вышло иначе.

И мы оба сошли с ума.

– Джед, ты в порядке? – Мэтт толкает меня в плечо. Я

фокусирую на нем полуслепой взгляд, по губам определяя смысл вопроса. Отстраненно киваю, убирая руки в карманы брюк.

– Поздравляю, парень. Но неплохо бы на невесту взглянуть, – с улыбкой продолжает Калиган, – Чувак, ты женатый человек. Не думал, что доживу до этого дня. Как ощущения? – теперь он хлопает меня ладонью по плечу, приводя в чувство. Я стряхиваю остатки оцепенения, качая головой.

– На территории Анмара лицо моей невесты могу видеть только я и ее близкие родственники мужского пола.

– Ты серьезно? – изумленно спрашивает Мэтт.

– Я познакомлю тебя с Ранией, если она когда-нибудь придет ко мне в Нью-Йорк.

Калиган не находит, что мне ответить. Он слишком много знает обо мне, чтобы поверить в происходящее. Но он забывает о важном моменте. В Америке я могу позволить себе вести себя не как араб, уклоняясь от обычаев и традиций своей страны, но здесь подобное исключено. Здесь – я сын своей страны, который обязан исполнять волю Аллаха и пророка Мухаммеда, чтить заповеди Корана, совершать молитву пять раз в день, обращая лицо в сторону Мекки и посещать мечеть по пятницам вместе с отцом и братьями. И, конечно, Мэтту странно видеть меня таким, но обе эти личности, американский бизнесмен и арабский шейх – я.

Но мое истинное «я» сокрыто даже от меня самого.

В глубине души я не принимаю ни то, ни другое. Я не при-

надлежу Анмару, потому что Анмар так и не принял меня, сына шармуты. Но и законы Америки, образ жизни ее жителей мне претят, хотя я сам с удовольствием пользуюсь всеми возможностями свободы, которая является главным символом Америки.

Несколько часов шумного веселья пролетают, как калейдоскоп сменяющихся клипов, я словно выпадаю из вереницы событий. Морально абстрагируюсь от всего, словно со стороны наблюдая за происходящим пиром.

В сумерках приходит время заканчивать праздник и идти в шатер невесты, чтобы принять поздравления женщин и забрать супругу в свой дом.

Меня провожают улюлюканьем, свистом, барабанным грохотом, в небо летят фейерверки.

Вместе с моим отцом мы заходим в шатер невесты.

Женщины поют на разные голоса, хлопают, славят пророка, танцуют, смеются...

Рания в роскошном сверкающем белоснежном платье, расшитом драгоценными камнями, с длинным шлейфом, встала со своего трона и направилась ко мне в сопровождении своих подружек. Ее лицо было закрыто вуалью, и мне предстояло, согласно традиции, поднять легкую ткань.

Мои руки уверенно откидывают вуаль с лица моей жены. Я хотел бы волноваться сильнее, до дрожи в пальцах и замирания сердца. Так бы и было, если бы мы с Ранией любили друг друга. Я не знаю, почему она меня выбрала, не верю,

что с ее стороны имеет место любовь с первого взгляда. Ей, в любом случае, пришлось бы стать женой одного из братьев, и она решила, что, выбрав «бракованного», возможно, облегчила свою судьбу, рассчитывая на благодарность с моей стороны. Но Рания просчиталась.

Я хуже их всех.

Радостные крики и улюлюканья становятся громче, когда наши с Ранией взгляды встречаются. Она очень красивая. Черные колдовские глаза, в которых можно утонуть, нежная бархатистая кожа, полные чувственные губы. Рания неуверенно робко улыбается, когда я беру в руки ее ледяные пальцы. В глубине глаз плещется тревога и страх неизвестности.

Я пытаюсь приучить себя к мысли, что эта красивая девушка станет матерью моих детей... И не могу.

Улыбаюсь, как можно мягче, абстрагируюсь от радостных возгласов, топота и хлопков в ладоши. Она очень напряжена и напугана. Хотя, во время наших телефонных разговоров, казалась такой уверенной. Джадир, который по воле отца был назначен свидетелем, подает мне подарок для жены. Это тяжелое, безумно дорогое ожерелье с алмазами и бриллиантами. Я застегиваю его на тонкой шее Раннии, чувствуя, как она вздрагивает, когда мои пальцы касаются ее кожи.

– Не бойся. Все хорошо, – ласково произношу я, стараюсь успокоить разволновавшуюся невесту. Она кивает, напряженно улыбаясь, и, когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, замирает, натягиваясь, как струна. Ее губы сухие, и

я думаю, что она близка к нервному обмороку, потому что с перепугу забыла, что нужно дышать.

Все замолкают, когда невесту поздравляет мой отец, и мне кажется, что Рания бледнеет еще сильнее.

– Добро пожаловать в семью, дочка, – говорит он на арабском, и она в смущении благодарит монарха, опуская длинные ресницы.

Потом отец отходит в сторону, в очередной раз бурно поздравляя уже нас обоих, обнимая меня чаще, чем делал это предыдущие двадцать пять лет.

Мы с Ранией беремся за руки и поворачиваемся к гостям, чтобы принять поздравления. И снова вокруг нас начинается шумное пиршество с криками, песнями и танцами. Когда все традиции соблюдены, все наставления и пожелания сказаны, мы выходим в сад, чтобы насладиться зрелищем фейерверка в нашу честь. Наверное, со стороны мы выглядим идеальными. Красивые, молодые, богатые. Каждый, кто сегодня желал нам счастья, делал это искренне. Свадьба – особенный праздник, во время которого все личное уходит на задний план. На все воля Аллаха. Если бы было суждено другое, мы с Ранией не стояли бы здесь, наблюдая, как разноцветные огни окрашивают черное небо, а окружающие нас гости поют о великой силе любви, которая раз и навсегда соединяет сердца влюбленных.

Я чувствую острое желание скрыться, потому что маска счастливого жениха стала безумно узка и тяжела для мое-

го застывшего лица. Я хочу, чтобы все было по-настоящему, чтобы мы с Ранией что-то чувствовали друг к другу, ведь иначе наша совместная жизнь станет мукой для обоих. Я не говорю о любви... Речь об элементарном притяжении. Вспышке, влечении. Или, хотя бы, дружеском понимании. Нам придется прожить бок о бок немало дней и ночей.

Я не сомневаюсь в том, что Рания станет мне хорошей, покорной и уважающей меня и мою волю, женой. Ее готовили к браку всю жизнь.

Мы обязаны поладить и найти точки соприкосновения. Она нравится мне внешне. Образованная, невинная девушка. Этот брак сулит огромные выгоды моей семье. Многие были бы счастливы оказаться на моем месте...

Мы покидаем гостей по-английски, незаметно скрываясь в доме. Первая брачная ночь состоится не здесь. Наши вещи уже собраны, упакованы и отправлены в багажный отсек частного самолета, который доставит нас на остров, где мы с женой проведем наедине целую неделю. Мы вылетаем через час, наспех попрощавшись с оставшимися гостями. Я не был на острове, но слышал, что это райское место. Тропики, пальмы, белый песок, хрустящий под ногами. Отец рассказывал, что много раз возил на остров мою мать, до того, как появился я. И когда он говорил об этом, я видел, как его глаза затягивает пелена воспоминаний, на губах застывает улыбка, полная ностальгической грусти. Я всегда не понимал, как

можно одновременно презирать и так откровенно тосковать о ней. Хотя, я разве не чувствую то же самое, когда дело касается Мелании Йонсен.

Последняя неделя прошла, как один безумный день. Я каждый день хотел сорваться и поехать на виллу матери, чтобы увидеть лживые глаза Мэл, заставить ее ответить за каждое слово, брошенное мне при нашей последней встрече у нее дома.

«Нравится, когда над тобой смеются Джаред? Я трахалась с Ником, и мне понравилось... Не хуже, чем с тобой или кем-то другим. Ты говоришь, что я такая же, как все, но и ты не царь и бог и от других твой член отличается только отсутствием крайней плоти.»

Я вспоминаю выражение ее лица, полное ненависти и гнева, каждая буква отпечаталась в моей памяти, выжигая любые попытки призвать здравый смысл оставить в покое неблагодарную маленькую дрянь. Хладнокровная, расчетливая, дешевая сука. Хотя, не дешевая, очень даже не дешевая. Ярость сковывает все мышцы, когда я думаю о том, что она не просто раздвинула ноги для очередного неудачника, но и решила нажиться за мой счет. Идиот! Какой же идиот. Как я мог поверить в искренность огромных аквамаринových глаз, которые смотрели на меня, словно я единственный во всем мире могу сделать ее счастливой. Ее слезы на смотровой площадке Сакре-Кер в Париже?

И она тоже полная дура, раз решила, что сможет одура-

читать меня, искусственного игрока и стратега. Допрыгалась, кошечка? Надеюсь, теперь ты спрятала свои коготки и готова принять свое новое будущее, в котором есть место только мне и моим желаниям.

– Ты можешь открыть лицо, Ран. Мы покинули пределы Анмара, – заставляю себя вернуться в реальность, поднимая взгляд на свою жену, которая, опустив голову, смотрит на свои скрещенные на коленях ладони.

– Ты уверен? – удивленно спрашивает она. Я не вижу ее лица через плотную ткань. Я привык к тому, как выглядят женщины Анмара, достигнув определенного возраста, но, за границами страны, я могу позволить Рании немного больше свободы. В соседнем государстве, в котором она выросла, лица не закрывают, и прекрасно понимаю, как ей сейчас неудобно.

– Абсолютно, – киваю я.

Рания беспрекословно слушается, снимая черное шелковое одеяние, под которым сокрыто стильное, маленькое, кремового цвета, платье с открытыми плечами, которое идеально сидит на ее округлых формах. Я вымученно улыбаюсь.

– Ты чудесно выглядишь, Рания.

– Спасибо, Адам. Ты тоже, – краснея, робко отвечает она. До конца перелета мы не говорим друг другу не слова. Я погружаюсь в свои мысли, где ей нет места, а Рания смотрит прямо перед собой, практически не шевелясь. Я ощущаю исходящее от нее волнение и страх, но понимаю тщетность лю-

бых попыток с моей стороны утешить ее.

Все невесты боятся первой брачной ночи. Но Рания жила в Америке и Европе, она прекрасно знает, что ее ждет. Да и перед свадьбой ее должны были подробно проинструктировать мои замужние сестры. Я не испытывал ни малейшего волнения по этому поводу, но и предвкушения не было. Я просто знал, что у меня сегодня будет секс с девушкой, которая будет неподвижно лежать подо мной, кусая губы от боли.

Но все оказалось еще хуже, чем я представлял.

Остров оказался таким, каким мне его и описывали. Уединенный рай для двоих. Роскошная вилла на берегу, белоснежный песок и бескрайняя линия горизонта. Умиротворяющий шум океана, который сливался с черным звездным небом, соленый ветер, ароматы цветущих растений в воздухе и ощущение покоя, которое навалилось на меня вместе со смертельной усталостью.

Свадебные церемонии вымотали нас обоих, но осталась одна традиция, которую необходимо было совершить, чтобы наш брак состоялся в полном смысле этого слова. Нас никто не принуждал делать «это» сегодня. Мы могли бы оставить брачную ночь на завтра, но для Рании отсрочка лишь усилила бы агонию. К нашему приезду тщательно подготовились. Повсюду в высоких вазах стояли цветы, горели свечи, а в центре крытой террасы был накрыт стол.

Я с удовлетворением отметил, что среди напитков имеет-

ся бутылочка красного вина. Сухой закон Анмара не распространяется на райский уголок свободы посреди Тихого океана. Я пытался уговорить свою молодую жену выпить глоток, чтобы расслабилась, но Рания категорически отказалась употреблять спиртное, и есть тоже не стала. Я очень старался быть милым и внимательным, но ее перепуганный вид начал меня потихоньку раздражать. Пить в одиночку я не привык, но пришлось смириться с тем, что эта пугливая пташка мой единственный собеседник на ближайшие семь дней. Унылая перспектива, если честно.

– Ты можешь подняться в спальню. Я скоро приду, – прогношу я, прикуривая сигарету, решив дать ей время подготовится к неизбежному и побыть наедине с собой. Рания послушно вскакивает, поспешно покидая меня с невероятной прытью изящной лани.

Я смотрю на темнеющий вдаль океан, в котором отражается звездное небо, ощущая на лице свежий влажный воздух. Вдыхаю горький дым полной грудью, пытаюсь унять ощущение тоски, которая не покидает меня с той минуты, как я надел на палец платиновый ободок.

Я думаю о многих вещах, которые в Америке никогда бы не пришли в мою голову. Иногда нужно отпустить себя, сложить оружие и просто прислушаться к сердцу, а потом отдать ему четкий приказ, заткнуть, заколотить гвоздями.

Я ненавижу Меланию Йонсен.

Ненавижу за то, что не могу не думать о ней.

Мое безумное наваждение, от которого нет лекарства, кроме нее самой.

И я больше не верю, что моя болезнь пройдет сама собой после длительного курса лечения.

Мне нужно встать, подняться наверх и лечь в постель с Ранией, которая теперь является моей женой перед Богом и людьми. Несколько бокалов вина не помогают мне почувствовать даже подобия влечения. Но я ощущаю себя лучше. В голове и теле разливается приятная легкость. В мыслях – туман.

Рания не спит, она прячется под покрывалом, не смотря на жару в комнате. Повсюду разбросаны лепестки роз. Я ободряюще улыбаюсь, закрывая за собой дверь. Включаю кондиционер, гашу яркий свет, оставляя приятный полумрак и двигаюсь к кровати, расстегивая рубашку. С каждым моим шагом ее глаза становятся все больше. Мне казалось, что я нравлюсь ей, так откуда столько страха?

– Тебе не будет приятно, Рания, но я постараюсь не причинить тебе много боли, – тихо произношу я, мягким, ласковым голосом. Снимаю одежду и ложусь в постель. Я сначала просто лежу рядом, не касаясь ее, позволяя привыкнуть к теплу моего тела рядом.

Рания дрожит, но, конечно, не от страсти. Я поворачиваюсь к ней, и очень осторожно освобождаю ее от красивой кружевной комбинации, ласкаю прохладную кожу едва заметными касаниями. Она слишком напряжена, и когда я пы-

таюсь поцеловать ее, зажимается еще сильнее.

– Постарайся расслабиться, я не изверг, Ран, – нежно касаясь ее щеки, заглядываю в полные панического страха глаза. – Ты знаешь, мы можем перенести брачную ночь на завтра.

– Нет, – Рания отрицательно качает головой, и кажется такой уязвимой и хрупкой в этот момент, что хочется просто обнять ее и поцеловать в макушку. – Извини, Адам. Я очень сильно разволновалась.

– Я знаю, – мягко киваю я.

– Я постараюсь не разочаровать тебя, Адам.

– Это невозможно. Ты очень красивая. Ты моя жена и мать моих будущих детей. Отныне мы навсегда связаны друг с другом. Я обещаю, что всегда буду уважать тебя, – серьезным тоном произношу слова и обещания, что должен сказать сейчас. В эту минуту.

– Спасибо. И я тоже буду уважать и слушаться тебя, Адам.

Рания нервно улыбается, приоткрывая губы, когда я снова целую ее. Этот поцелуй меня не заводит. Он пустой и холодный. Черт возьми... Я должен быть терпимее и дать ей еще немного времени.

– Сделай это быстро... Пожалуйста, – неожиданно просит меня слабый жалобный голос Рании, когда я ласкаю ее грудь. Внутри меня по непонятным причинам вспыхивает злость.

Неправильно так думать, но меня раздражает Рания, ее пассивность и страх. Я спал с девственницами, и не раз. И не

два. Конечно, они не кричали в экстазе, умоляя трахать их сильнее и глубже, но и не тряслись, словно перед выходом на эшафот. Глядя в черные глаза своей жены, я понимаю бесполезность любых ласк и действий с моей стороны. Ей мешает что-то еще, что-то, кроме ее девственности.

Я просто должен закончить ее мучения.

Физиология мужчин устроена проще, чем у женщин, и даже если я мысленно не хочу Ранию, вид ее обнаженного тела вызывает во мне всплеск возбуждения. Ее желание сделать все быстро – исполнить будет легко. Тем более, я сам не хочу растягивать унылое действо дольше, чем мне понадобится на то, чтобы кончить.

Я раздвигаю ее ноги, наваливаясь сверху. Ее тело мягкое и нежное, но не пробуждает во мне безумия и жажды обладания.

– Обними меня, – произношу я. Рания послушно выполняет мое желание. Ее руки все еще ледяные и дрожат.

– Уверена, что не хочешь подождать до завтра? – снова спрашиваю я. Ран отрицательно мотает головой, отчаянно глядя на меня.

С ее губ срывается вопль боли, когда я проникаю в нее впервые. Очень туго, сухо и узко. И ни хрена не круто быть первым. Но, если бы Рания была бы с кем-то до меня, ее по закону ждал бы суд, потом тюрьма или публичная порка. Или даже казнь. Но только в том случае, если бы я заявил о том, что она не девственница. И я мог бы развестись с ней или

подвергнуть наказанию, вплоть до заключения в комнате до конца жизни. Наши законы немилосердны к женщинам. Они созданы для мужчин, и для того, чтобы мы могли управлять своими женами так, как нам будет угодно.

Я толкаюсь снова, и Рания опять кричит на всю спальню. Б...ь. Что за принцесса такая? Она вопит и плачет, впиваясь ногтями в мои плечи, раздирая кожу в кровь. Обычно шлюхи подо мной делают тоже самое в порыве страсти, а Рании по-настоящему больно. Я довожу дело до конца за несколько минут, чтобы не растягивать ее страдания. Никакого удовольствия, всего лишь физиологическое завершение полового акта. Она жалобно всхлипывает, когда я скатываюсь нее. Прижимает колени к груди обнимая их руками. Опускаю взгляд на простыни, которые пропитаны кровью, словно на них кого-то резали. Никогда не видел столько крови при лишении девственности. Я даже немного теряюсь. Осторожно касаюсь ее вздрагивающего плеча.

– Прости, Ран, в первый раз иначе не бывает, – мягко произношу я.

– Я не думала, что так больно, – всхлипывает Рания, не глядя на меня.

– Я отнесу тебя в ванную комнату, потом поменяю простыни. Ты позволишь мне помочь тебе?

– Да... – поднимая голову, девушка смотрит на меня огромными влажными глазами. – Спасибо, Адам.

Когда через полчаса Рания засыпает на свежих простынях, укутанная с головы до ног одеялом, я снова выхожу на террасу, чтобы выкурить сигарету.

Внутри звенит пустота, а все тело охвачено слабостью. Мне не хочется двигаться, и я просто сижу на стуле, глядя перед собой, выкуривая одну сигарету за другой. Я не думаю, не чувствую, а просто существую.

Или нет. Или не здесь...

Некоторые ощущения сложно описать словами. Их как будто бы и нет, но, в то же время, они выворачивают твою душу, врезаясь острыми осколками прямо в сердце.

Сегодня, лишая свою жену невинности, впервые за последние два года не увидел перед собой лицо другой девушки, но дело не в том, что они совершенно разной внешности, и не в том, что предательство Мэл отвернуло меня от нее. И даже не в том, что, получив свое, я избавился от наваждения...

Просто теперь я точно знаю, что с Меланией Йонсен никто не сравнится. Я могу придумывать новые причины для ревности, я могу уничтожить ее, стереть с лица земли, поставить на колени, сделать своей рабыней, но это ни черта не изменит. Она никогда не станет прежней после меня, но и я... я тоже, никогда не стану прежним после нее.

Однако все это лирика, романтический бред для дураков и слюнтяев, а я не из тех парней, которые признают поражение. Если придется, я вырежу из груди свое гребаное сердце,

но не позволю ей управлять мной.

Глава 4

*Это было словно падение в бездну с края земли.
Словно у земли вдруг образовался край.
Джон Фаулз. Коллекционер*

Мелания

Я смотрела на очередной закат, когда меня одолело нехорошее предчувствие. Сердце бешено колотилось с самого утра, потому что я знала, чего ожидать. Весь день я пыталась предугадать поступки Джареда и спланировать свое поведение. Как только я услышала, как замок по ту сторону двери открылся, тут же опустилась на пол, обхватив колени руками. Так я чувствовала себя защищенной. Затаив дыхание, я стала ждать его...

Хотела унять дрожь, не выдавать волнение и страх.

Хотела встретить его с достоинством: воинственно и смело, но никаких сил уже не осталось.

Я была слабой. Такой слабой, что ему понадобилось бы несколько ударов одной рукой, чтобы выбить из меня дух.

Мои запястья стали такими тонкими, что на коже просвечивались вены.

Жертва. Жалкое зрелище. Я мечтала расцарапать ему ли-

цо, когда он войдет в мою комнату, но не смогу. Не могу бороться.

Зажмуриваю веки, прислушиваясь к тому, как резко открывается дверь. Звук его тяжелых шагов, а потом... Джаред замирает. Наверное, рассматривает, и любитесь тем, что сделал со мной... не думаю, что он все еще желает меня. Мне даже это белое платье теперь велико, которое шили специально под мою фигуру.

Внутренности трясет, сердце разрывается. Невыносимо. Он здесь. Я чувствую его аромат, парфюм, запах его кожи... душа мгновенно распознала приближение того, кто дарил моему телу столько удовольствия.

Я скучала. Безумная я... скучала по нему.

Слышу его шаги. Уверенные, твердые. Джаред все ближе и ближе, и пусть в это трудно поверить, но я чувствую, как меня накрывает тяжелая энергетика его власти, и мужской силы. Слабая и незащищенная девочка внутри меня отчаянно тянется к Джареду... скучает, плачет и кричит, о том, как умирала все эти бесконечные дни без него.

– Посмотри на меня, – сухой и снисходительный приказ, еще больше накаляет напряжение между нами. Мне даже жарко стало от невидимых искр, атаковавших тело.

Боюсь... боюсь посмотреть. Можно миллион раз прогнозировать нашу встречу, но не быть готовой к тому, что происходит всегда, когда мы оказываемся рядом. Мой разум отключается, отказываясь связно мыслить.

– Посмотри на меня, melegim, – еще боле покровительственно приказал Саадат. Я распахнула веки. Сглотнула, поднимая взгляд на человека, который занимал каждую мою мысль...

На лице Джареда замерла надменная ухмылка. Улыбка Дьявола, Джокера... немного маньячная, одержимая и удовлетворенная увиденной картиной.

Выглядел он, в отличии от меня, великолепно. Греческий Бог, снизошедший до одной из рабынь. Серая футболка подчеркивала поджарое, рельефное тело. Кожа стала еще более шоколадной, а волосы наоборот – выгорели. Адское сочетание. Тьма и свет в одном человеке, и даже в его внешности присутствовал подобный диссонанс.

Взгляд, как всегда нечитаем. Пронзителен. До мурашек.

Но больше всего злят волосы Джареда. Они выглядят так, словно кто-то хорошенько тянул их в разные стороны в порыве страсти. Жена. Не трудно догадаться.

Он принадлежит другой. Всего три слова, застревающие колом в сердце. Ревность, злость, эмоции... через край. И столько несказанных слов между нами.

– Здравствуй, Мелания. Вижу, ты не рада мне. Ты чем-то недовольна, крошка? Что тебя не устроило? И чем тебе не угодила еда, мои служанки и... окно?

Я хотела что-то ответить, но пока не решалась... мой голос начнет дрожать, и это будет выглядеть еще более жалко.

– Которое, кстати, стоит полмиллиона долларов, – Джа-

ред задумчиво приподнял бровь, разглядывая трещину на стекле. – Витражи сделаны на заказ, это же искусство. Ты же ценитель. Нехорошо было уничтожить чужое творение, не правда ли? – будничным тоном поинтересовался он.

– Так и будешь молчать?

Я...

– Хорошо, к твоим тридцати миллионам я добавлю еще половину миллиона. Если так дело пойдет дальше, ты всю жизнь будешь моей карманной игрушкой, – усмехнулся Саадат.

– Пожалуйста, Джаред, – сипло произношу я, крепче обнимая свои колени.

– Ого, неожиданно приятно слышать мольбу в твоем голосе, melegim. Я вижу, ты хорошо подумала над своим поведением?

– Джаред, я ничего у тебя не крада, – впиваюсь ногтями в колени, глядя на него снизу вверх. Джаред возвышается надо мной, внушая страх.

Он... изменился. Здесь, в Анмаре. Словно повзрослел на пять, или даже на десять лет. Во взгляде холодный расчет и неприкрытая жестокость. Презрение. Я говорила, что он нечитаем, но, мне кажется, что именно эти холодные эмоции я вижу в его глазах.

Вижу, свою судьбу, которую даже предательнице-Эйприл не пожелала бы...

Джаред другой. Передо мной Адам бин Рашид аль-Саа-

дат... принц Анмара.

– Я бы на твоём месте сказал также, – я опустила взгляд, но Джаред, быстро наклонившись, схватил меня за подбородок и заглянул прямо в душу, вытягивая последние силы. – Чтобы не отдавать долг. Отдать придется, Мелания. Но есть одна проблема... – он резко вдохнул, прикрыв глаза. И вновь распахнул веки, возвращая выражению лица жестокую маску.

Я говорила, что больше ничего не чувствую к Джареду. Что ненавижу его, и не хочу видеть. Но сейчас, глядя на его точеные, и до боли знакомые, черты лица, я так не думаю. Сердцу нельзя приказать не чувствовать... наверное, я просто дура.

– Джаред...

– Уже Джаред, Мэл? Помню, еще недавно ты называла меня другим именем. Хочешь меня разжалобить? Слезами? Именем? Не выйдет. Тридцать миллионов, маленькая сучка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.